

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ДМБ

РАЗГОВОРЧИКИ В СТРОЮ

ВЕСЁЛЫЕ АРМЕЙСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДМБ

Михаил Серегин

Разговорчики в строю

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Разговорчики в строю / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (ДМБ)

Казалось бы, ефрейтор — фигура малозначительная. Но только если речь не идет о Вите Резникове. Ему по плечу не растеряться даже перед самим президентом. Да и другие «химики» ему под стать — вечно создают трудности и сами же героически их преодолевают.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Серегин

Разговорчики в строю

Глава 1

Шерше ля фам

Начальник штаба майор Холодец трясся в прицепе, подложив под зад пустой планшет. Карты, некогда находившиеся в нем, сейчас были у лейтенанта Мудрецкого, бросившего своего командира на произвол судьбы. Как только тракторишко, урча и надрывая всю свою мощь, взобрался на холмик и пошел с горки вниз, едкий дым, вырывающийся из трубы, стал окуривать майора. Холодец сморщился и закрыл нос рукой.

Впереди его ждало приятное – трактор вышел на асфальтовую дорогу и в кузове перестало сильно трясти. Теперь он мог не ерзать из угла в угол по прицепу, а сидеть в одном месте, обняв вещмешок с остатками еды.

Он сознавал, что едет обратно в часть, что месячная тренировка на выживание закончилась, но никак не мог себя заставить выбросить даже вымокший и негодный хлеб, выловленный в реке, и сложенные в полиэтиленовый пакет малосольные огурчики, выпавшие из разбившейся трехлитровой банки, – запасы местных жителей, дарованные оборванным и изголодавшимся солдатам. Иного транспорта, кроме как трактора, ему предложить не смогли.

Убедившись, что весь взвод, что называется, канул в реку и больше никогда к нему не вернется, Холодец, переночевав под открытым небом, не стал дожидаться, пока за ним пришлют хоть кого-то, и самостоятельно начал пробираться обратно к части. А путь был неблизкий – несколько сотен километров.

Холодец был зол, но не мог рассчитывать на то, что ему придется высказать свое недовольство командиру батальона. В таких случаях со Стойлохряковым лучше не связываться – он отрицательных высказываний в свой адрес от подчиненных не воспринимает и все попытки сделать из него виноватого подавляет очень жестоко, лишая, к примеру, каких-нибудь надбавок за месяц. У него это просто: в один день с тобой водку пьет, на следующий – щучит тебя до посинения. И то и другое доставляет ему превеликое удовольствие. Служба...

* * *

Взвод РХБЗ спал после завтрака. Подполковник разрешил не заниматься первую половину дня строевой подготовкой и позволил прибывшим вчера издолбанным химикам перевести дух. В армии такое случается нечасто – никого не волнует, откуда там тебя привезли, – распорядок есть распорядок. Но бывают исключения. Военные иногда тоже люди.

К обеду отдельный взвод химзащиты начал почесываться и вскоре кое-кто выполз в туалет. После месяца в лесу сон на кровати казался чем-то волшебным и воспринимался ни больше ни меньше как дар богов. Удобная штука-то, оказывается, коечка. Когда под головой пусть у тебя и не пуховая подушка, а набитая ватой, и не перина, а жесткий матрац, так все равно после прозябания на земельке ощущаешь себя королем.

Рядовой Резинкин Витя, на гражданке – автослесарь, здесь целый автомеханик, приоткрыл один глаз и посмотрел на сослуживцев. Все спали, хотя день был в самом разгаре, и народ в части наверняка сейчас или служил, или работал, а им выпала лафа – быть освобожденными от всех нарядов и до обеда пробарствовать.

Единственный открытый глаз рядового повернулся на изменение игры света и тени и узрел в дверях появившегося полуголого Петро Забейко в тапочках. Резинкин открыл и второй глаз и подумал, что сейчас дембель рявкнет и заставит весь взвод подняться. И он не ошибся.

* * *

На территорию части через КПП въехал минивен «Фольксваген», а за ним следом – красная «Ауди-100». Две машины проехали по небольшой аллейке мимо плаца и остановились перед штабом отдельного батальона. Подполковник Стойлохряков знал о прибытии гостей и успел нацепить на себя парадку, и выглядел достаточно представительно. Он даже умудрился найти такой ремень, которым удавалось затянуть пузо до минимально возможных размеров, и теперь оно выпирало вперед не так сильно – можно было разговаривать с человеком на расстоянии вытянутой руки и при этом не касаться его собственным пупом.

Он увидел из окна, как подъезжали машины, и, не дожидаясь, пока они остановятся, стал спускаться со второго этажа вниз. Когда подполковник оказался на крыльце, все двери минивена открылись почти одновременно, и из них вышли три молодые женщины – кто в брюках, кто в джинсах, – а также еще и два мужика, оба лысые, в серых костюмчиках, несмотря на ожидающуюся жару. У одного – «дипломат», у другого – кожаная сумка. Из «Ауди» тоже показался мужик, но в отличие от этих, в сереньких костюмчиках, он был одет в голубую рубашку с коротким рукавом и белые джинсы.

Стойлохряков поклонился дамам, пожал руки всем мужикам и пригласил подняться к себе наверх.

Не успели гости расположиться в его кабинете, как вошел дежурный по части с одним подносом, потом исчез и принес еще. Носили чай, к приготовлению которого Стойлохряков предъявлял высокие требования. Главное, чтобы напиток был хорошо заварен. В понятии Стойлохрякова хорошо заваренный чай – это тот, который темно-коричневый. И обязательно, чтобы все тарелки и чашки были хорошо вымыты. Фарфор обязан быть белым. Это на гражданке на нем могут быть пятна, а в армии пятна только на камуфляже. К чаю обязательно подавался лимон и сахар в двух вариантах: в виде песка и в виде правильных кусочков рафинада.

Комбат наблюдал за разбором чашек со своего рабочего места. Этим гражданам он не хотел казаться доступным и поэтому расположился в огромном кресле. Широко расставив руки, он упер их в крышку стола и, поглядывая на гостей, попросил всех представиться, назвать, кто какое издание представляет.

Журналисты. Три девчонки, все из Москвы, два сереньких лысеньких мужичка – самарские, а этот, прикативший самостоятельно на «Ауди», в голубенькой рубашке и белых джинсах, он не журналист, из округа приехал, скорее всего из контрразведки.

Подполковник знал, что в группе будет такой человек, и, когда ему высокий и плотный парень предъявил удостоверение заместителя начальника какой-то там вещевой службы, подполковник все прекрасно понял.

– Я надеюсь, – обратился хозяин части к гостям, – вас уже предупредили о том, что никакой фото- и видеоаппаратурой пользоваться на территории части нельзя. Надеюсь, все пройдет штатно.

Высокая фигуристая брюнетка с коротко стриженными волосами, нацепив на нос очки, заверила подполковника, что у них только ручки и бумага.

– Хорошо, – попытался улыбнуться Стойлохряков, но у него не получилось. Единственное, что заставляло его сейчас проявлять какое-то расположение к приехавшим, так это слова заместителя командующего Приволжским военным округом. Он посоветовал комбату произвести впечатление, для того чтобы о батальоне были написаны хорошие материалы. Хорошие

статьи об армии, и конкретно о его части, могли бы способствовать более плавному прохождению обучения в Академии Генерального штаба.

Для подполковника, засидевшегося на должности, это был прекрасный шанс подняться выше. Ему без академии никогда не получить полковника, а значит, никогда не покинуть этот отдельный батальон. Для того чтобы расти, ему надо подучиться. Нужно только получить направление, и тогда, может быть, они с женой остаток его службы проведут где-нибудь в городе, а не в этой дыре.

– Что бы вы хотели посмотреть? – обратился он к журналистам.

Самарские мужички тактично помалкивали, отдав инициативу в руки московским барышням.

– Для начала туалет, – сверкнула глазами высокая. – Да?

Мысленно Стойлохряков уже предвкушал реакцию на то, что они увидят в обычной воинской казарме, – сляпанный в свое время из ворованных стройматериалов сортирчик получился на славу, и его можно было показывать не только корреспондентам, но и снимать для журнала «Интерьер».

«Рыжая деваха лет двадцати, такая молодая, и уже журналистка. По частям ездит, наверное, только учиться закончила. Может быть, даже первая командировка», – думал о своем Стойлохряков, когда ему задавали вопрос.

Не удосужившись выпить чая больше одного глотка, эта девушка попросила у него минералки, но у подполковника минералки не было, и вслед за этим вопросом о холодненьком питье последовало пожелание посмотреть, как солдаты отдыхают на дискотеках.

Вначале Стойлохряков надул щеки, затем попытался расплыться в мягкой отцовской улыбке. У него еще были свежи воспоминания о дискотеке, случившейся месяц назад, и он больше подобных приключений не желал. Кое-как удалось замять гигантскую драку, случившуюся между двумя поселками и его химиками.

– Нет, – он замотал головой.

Рыжая подпрыгнула:

– Но нам сказали, что вы покажете все, что угодно!

– Я не могу показать то, чего нет, – неожиданно для девушек и вполне предсказуемо для человека из округа забасил комбат. – Солдаты в российской армии по дискотекам не ходят. Вы что, думаете, у нас здесь курорт?

Воздух разорвал шум лопастей вертолета, полковник подумал, что машина пролетит дальше, но ничего подобного, гул не исчезал.

Комбат встал и подошел к окну. За ним последовали и журналисты.

Все видели, как прямо на плац сел вертолет, из него кое-как вылез майор Холодец с вещмешком и планшетом, перекинутым через плечо. В руках у него была какая-то бумага. Он, не теряя времени, кивнул пилоту и направился напрямик в штаб.

Стойлохряков не желал сейчас наблюдать начальника штаба – он бы и не помешал, но, когда на майоре замызганный камуфляж, это не здорово – тут журналисты. Да и морда у него оказалась небритой. Он вошел и поздоровался вначале с начальником, затем с остальными.

Комбат с таким видом, будто вертолеты у него приземляются на плац каждый день, – ну не делать же из этого ЧП? – вышел из-за стола, пожал руку Холодцу, попросил его положить планшет и вещмешок в угол рядом с диваном и представил его журналистам:

– Это мой начальник штаба... А это вот, товарищ майор, к нам приехали журналисты из Москвы и из Самары.

– Я ничего не знал.

– А мы внезапно, – захохотала самая маленькая из троих москвичек, – неожиданно. Мы, как Суворов через Альпы, взяли вот сели в «Фольксваген» и доехали к вам в Самару. Всего-навсего через сутки – мы уже здесь, правда, это здорово?!

– Глаша! – одернула шепутную девчонку высокая и фигуристая.

– А вы откуда? – поинтересовалась та, что думала, будто солдаты в армии по дискотекам ходят.

– Я-то?.. – задумался Холодец и стал пялиться на подполковника. Тот дернул плечами, развел руки в стороны и сделал простецкое лицо. Холодец понял его по-своему: – Ну, конечно, откуда же... с курорта. Вот отдыхал. Только собираться пришлось быстро, вертолет на полчаса раньше прислали – побриться не успел. А так ничего, все нормально. Готов приступить к службе.

Комбат дальше не слушал, что там нес его помощник. Он взял казавшуюся капелюшечной в его руках чашечку с чаем и шумно сквозь зубы втянул напиток. Осушив сосуд, он со звоном плюхнул чашку на блюдце:

– Что это у тебя в руках?

Холодец отдал подполковнику белый лист бумаги. Стойлохряков развернул и прочитал следующее:

«Соседи, вы задолбали! Мы вам не таксисты».

Комбат понял, что это от вертолетчиков, сложил бумажечку и положил ее на стол под пепельницу.

– А что там? – поинтересовалась Лиза, та самая, которая все дискотеками озабочена.

– Там? – подполковник посмотрел на сложенный лист бумаги. – Это счет за доставку майора сюда в часть, причем за срочность надбавка.

– А в казармы, в казармы мы пойдем? – снова затараторила Глаша. – Я знаю, все мальчишки в казармах служат. Там и койки... В два яруса у вас койки, да? А может быть, и в три яруса койки есть?

– И в четыре, и в пять, – согласился Стойлохряков, – сейчас я вам все покажу, все, что хотите. Значит, туалеты вначале.

– Послушайте, – самая крупная поднялась и зафигурилась, – но ведь летать на вертолетах – это дорого. Я слышала, что один час полета на вертолете стоит...

– А, – перебил ее Стойлохряков, – вот видите, мы на дискотеки не ходим – экономим, а больше на вертолетах летаем.

Его умиляла ситуация. Прислали каких-то молоденьких дурочек – и чего от них ожидать, что они напишут? Может быть, ему стоит переключиться на этих вот лысеньких мужиков? Ведь если статья появится в Самаре, а там штаб округа. О-о-о... Да эти в Москве напишут, никто ничего здесь не узнает. А под носом статейку тиснут, потом его будут утюжить и склонять. Скажут, мол, никакой тебе академии, товарищ дорогой, оставайся ты подполковником и сиди в Черныдырье, там, где хорошо справляешься со своими обязанностями уже не первый год.

* * *

Аккурат перед приходом подполковника с журналистами на этаж злые солдаты – товарищи дембеля Кадакоев и Сизов – заставили бедного слона Заботу встать на колени, нагнуться вперед, в просторечии «встать раком», вытянуть руки в стороны с пустыми ведрами и медленно ползти в туалет с диким жужжанием, имитируя медленно прибывающий на место зачистки говноуборщик.

Делегация вошла внутрь.

Комбат не орал ни на кого по одной-единственной причине – за его спиной стояли три размалеванные девушки и еще два лысых дядьки, а также крепкий молодой мужчина, для которого, судя по всему, находиться в казарме не впервой. Неподготовленные гражданские стояли с вытянутыми лицами. Они понимали, что застали какой-то фрагмент представления, а все вместе им увидеть не удалось, так как с появлением комбата шоу прекратилось.

Глаша выбежала перед комбатом и попросила его:

– Товарищ полковник, а нельзя повторить все еще раз, а то мы так ничего и не увидели. Это что, наверное, какая-то военная традиция?

Стойлохряков, хмурясь, разглядывал замершие по стойке смирно тела, словно изваяния.

– В российской армии много традиций. Это одна из. Все увидеть невозможно. Прошу вас, вы хотели посмотреть туалет. Вольно! – Солдаты выполнили команду «отомри» и двинулись в толчок. – Приказ терпеть! Сейчас я журналистам покажу нашу гордость.

Кадакоев дал пинка Заботе, и ведра предательски бряцнули друг о дружку. Желтушный Сизов залыбился.

– Везет тебе, Забота, никак ты до сортира не доползешь. Ничего, потом продолжим.

Вошли в галюон. Комбат с наслаждением слушал «охи» и «ахи», сам разглядывал сантехнику, что и говорить, он любил бывать здесь. Заходил на первый этаж, где обитала третья рота и химвзвод, как на прогулку – в другой мир просто попадаешь. Новенький кафель, розовая сантехника, все своровано этими же сраными солдатами. Конечно, он не говорил так вслух, но вспоминал, что все вот это вот должно было бы стоять в домах офицеров, а теперь этим пользуются солдаты. А все почему? Потому что он сам приказал сделать здесь ремонт – и они сделали. Дверь, отделяющая непосредственно туалет и умывальник, была выписана им когда-то на заказ и должна была...

Полковник предпочел сейчас не вспоминать, куда он ее там хотел поставить, но это же было... это же было... Это же было самым его большим, самым заветным желанием – поставить эту дверь в его собственную комнату. Но судьбе суждено было распорядиться иначе.

А тем временем к умывальнику подошла самая крупная из журналисток и повернула кран. Раздалось тихое шипение, и тугая струя ударила в раковину.

– О, да здесь у вас евроремонт! А что в казармах?

– Мы и так уже в казарме, – напомнил Стойлохряков. – Можете пройти по кубрикам и посмотреть. Там все попроще, а этот туалет – ответ странам НАТО на расширение.

– Я обязательно об этом напишу, – заверила Лиза. – Здесь даже лучше, чем на дискотеке.

– Да, что у вас с этими дискотеками?

– Я вот просто слышала, что месяц назад у вас тут что-то произошло.

Подполковник изобразил лицо младенца:

– Что вы говорите? Я ничего не слышал.

– Там, говорят, даже были солдаты.

– Неужели? Может, один-два ушли в самоволку?

– А это бывает? – тут же подскочила Глаша.

– Послушайте, девушки, давайте мы пройдем и посмотрим кубрики.

Тут к нему подошел корреспондент из Самары и вежливо попросил:

– А можно у вас тут?..

– Да нет проблем, – согласился хозяин, – плату не берем. Наслаждайтесь, сколько влезет.

И двое лысых направились отлить.

– Извините, дамы, вот женских туалетов у нас тут нету, хотя я могу сейчас всех выпроводить...

– Нет, спасибо, – поблагодарила за всех Маша. – Мы пока не хотим. Правда, девочки?

Девочки и вправду не хотели.

Он ожидал каких угодно журналистов, только не тинейджеров, а вообще появление девушек возраста до шестидесяти в казармах нежелательно. «Здесь мужики голодные» – так размышлял комбат, подходя к первому попавшемуся кубрику. Он открыл дверь:

– Вот здесь у нас третья рота, – и вошел.

Раздалась команда: «Встать смирно!» Народ повскакивал со своих мест. Журналисты не стали заходить внутрь, посмотрели на натертые полы, помятые от сидения на них койки, вдохнули запах, сморщили носы и поспешили выйти.

– Ну, здесь не очень интересно, – пожаловалась Лиза. – Может быть, вы нам танк покажете.

– Танк? – переспросил комбат с такой интонацией, будто дальше должно было последовать: «А что это такое и как это чудо выглядит?» Стойлохряков, изображая работу мысли, хмурился и шевелил бровями. – Ну, раз уж танк... Ну, танк так танк. Только башни не будет, хорошо? Танк без башни покажу.

Девчонки заинтересовались:

– Это что, новое российское оружие?

– Нет, оружие старое. Просто без башни.

– А зачем же танки без башни? – не унималась Лиза.

Стойлохряков предложил все-таки выйти с этажа и уже на улице стал объяснять обступившим его журналистам:

– Понимаете, ну как вам, девушки, попроще объяснить? Вот знаете, в гаремах были евнухи, они могли за женщинами следить, но сами не могли. Ведь согласитесь, что евнухи – это полезные люди. – Девчонки похихикали. Мужики спокойно стояли и покуривали, почесывались – им было по фигуре, что он им тут рассказывает про евнухов. – Ну так вот и с танками: у некоторых есть дуло, оно им как бы необходимо, чтобы стрелять, а другим – дула не надо, но они тоже полезные, всякую другую работу выполняют. Вот сейчас мы поедем в парк и посмотрим на танки без башни.

Стойлохряков отказался садиться в «Фольксваген», тем более что у него был запряжен на сегодняшний день в служебный «уазик» прапорщик Евздрихин, который и доставил всю эту процессию в парк. Здесь постоянно поддерживался более-менее нормальный порядок, и поэтому комбату было не стыдно – пусть смотрят, пусть что хотят пишут.

Когда они проходили мимо боксов, где у него стояли «БРДМы», корреспондент из Самары задал мужской и довольно-таки глубокий вопрос:

– А зачем дивизии ваш отдельный батальон?

Стойлохряков остановился, и соответственно все журналисты, которые приехали сюда собрать хоть какой-то материал, поспешили открыть блокноты и начали записывать. Стойлохряков, в принципе-то, знал историю части и сейчас был готов в красках расписать все и вся, но набежавшие тучи, грозившие разразиться дождем, заставили его предложить гостям побыстрее познакомиться с техникой, поехать обратно в штаб, где он с удовольствием расскажет, что из чего вышло и что как получилось.

– Но все-таки интересно, – поддержала москвичка своего самарского коллегу.

– Отдельные батальоны, – говорил Стойлохряков, проходя мимо машин. – Вот, кстати, вам танки без башни. Вот видите, у них только маленькие пулеметики.

– Ой, да. Как интересно! – тараторила Глаша. – Действительно, у них нет дула!

– Ну вот, я же говорил – евнухи, – продолжал Стойлохряков. – Так вот, отдельные батальоны создавались для выполнения специфических задач. Ну, например, для проведения быстрой атакующей операции. Вот мы мотострелки, мы садимся на эти танки без башен и едем вперед, потом на ходу из них выпрыгивают солдаты и строятся в живую цепь...

– А это я по телевизору видела, – согласилась Маша, – когда еще маленькая была, в программе «Служу Советскому Союзу».

– Вот-вот, вот мы и служим, только уже не Союзу. И танк и, видите, у нас...

– Да-да, про танки мы уже все поняли, – согласилась Глаша. – Они у вас евнухи.

– Еще нам могут приказать во время проведения боевых действий, – тут Стойлохряков осознал, что во время войны могут приказать все, что угодно, но надо было вести все-таки

правильно поставленную дискуссию, тем более что он претендует после выхода положительных статей на учебу в академии, – могут приказать, допустим, сдерживать наступление противника. Что мы сможем выполнить с честью, – тут же добавил он.

Лысенские мужички в костюмах никак не среагировали, а вот в женских глазах вспыхнуло ощущение гордости за российских мужиков.

* * *

Пока экскурсия ходила по парку, в казарме перед обедом – уже вот-вот они должны были выходить строиться и идти в столовую – сидел на своей койке озабоченный рядовой Простаков, а над ним, свесив ножки, так, чтобы пятками не совать в лицо нижнему, располагался маленький Фрол Валетов, который также был погружен в собственные мысли. Он первым очнулся и потребовал, чтобы Простаков поделился тем, что зреет в его дремучей башке.

– Слушай, Леха, ты видел этих корреспонденток?

– Видел, – промычал сибиряк, – красивые телки.

– Ты и урод! – Фрол прыгнул с верхней полки вниз на пол, и теперь они были одного роста, только Фрол стоял, а Простаков сидел. – Тебе эти бабы никого не напоминают?

– Бабы? Эти бабы напоминают мне женщин. – Ты их видел когда-нибудь?

Гулливер почесал за одним ухом, за другим, а потом с размаху ткнул кулачищем Фрола в грудь так, что у того дыхание перехватило.

– Точно, я вспомнил. Где-то я их уже видел. Вот ту, здоровую, в особенности помню. Мне даже кажется, что я с ней когда-то трахался.

– Ну, – глаза Валетова горели, – только ты не бей больше так, даже если трахался ты с ней. А остальных припоминаешь?

– Нет, не могу ничего сказать. Это ты опять возвращаешься к той истории, что нам один и тот же сон снился? Выбрось все это из головы, это совсем другие бабы, я хотел сказать, женщины. В общем, телки, короче.

* * *

К обеду прибежал, запыхавшись, лейтенант Мудрецкий. Построив людей, он сообщил пренеприятнейшее известие – после приема пищи им придется организовать показательное выступление для приехавших в часть журналистов.

– Во-во, – недовольно бурчали те, что поопытнее, – это мы уже знаем, что для солдата праздник, как для лошади свадьба – голова в цветах, а жопа в мыле. Опять надо какое-то выступление. Мы тут каждый день выступаем.

– Прекратить разговоры, – буркнул взводник. – Давайте топтать-лопать, а потом будем решать, чем людей удивлять, иху мать, – не удержался лейтенант, чем вызвал улыбки на лицах солдат. – Это так, для рифмы, – прокомментировал собственное выступление неудавшийся аспирант.

После обеда застроились на плацу. Кроме химвзвода еще и все три роты. Решали, кому куда под руководством майора Холодца. Он изредка улыбался, поглядывая на химиков. Лейтенант застроил своих людей и дал команду: «Вольно», и стоял в полном неведении, что же будет дальше. Нигде комбата видно не было, всем распоряжался начальник штаба. А он очень уж приветливо начал свою вступительную речь, после того как все три роты распределил – кого на работу, кого на службу.

– Дорогой и родной мой химвзвод! Вот мы снова с вами встретились в неожиданном месте, – начальник штаба ухмылялся. Все надеялись на перлы, так как нормально и связно майор говорить не умел, и они не заставили себя долго ждать. – Во-первых, бойцы, разогните

колени и выпятите вперед груди. Вы не в туалете, и вам еще пока нечего туда свешивать. Вторых, не расслабляйтесь после животов, набитых обедом, вам надо сейчас взять всю свою защитную резину и выйти сюда обратно для того, чтобы когда подойдут корреспонденты – и вы им всем покажете, какие лучшие вы солдаты. Придется немного похватать ртом воздух и делать будете вид, что вспотели. Всем все ясно?

Пожалуй, лучше начальника штаба им никто бы складывающуюся ситуацию не обрисовал. Ни у кого не оставалось сомнения, когда они вбегали в кладовки и доставали химзащиту, что сейчас будет «шоу слоников» – каждый наденет себе на морду гандон с хоботом, на ноги – бахилы, на плечи – плащ, на руки – перчатки и будет бегать по плацу.

Стойлохряков стоял на ступеньках вместе с приехавшими в часть корреспондентами и наблюдал, как химвзвод бежит в резине по жаре, нарезаая круги по плацу. Желая угодить дорогим гостям и своему непосредственному шефу, майор Холодец вышел на плац и, когда мимо пробежали химики, отдал команду: «Запевай!»

Лейтенант Мудрецкий, которому приходилось для понту дела не то чтобы бежать с солдатами по кругу, а хотя бы так прохаживаться рядышком в быстром темпе, вопросительно посмотрел на Стойлохрякова. Люди были в противогазах, и сейчас им еще и песню петь. Что он, совсем, что ли, за эти дни перегулял на свежем воздухе и крыша съехала окончательно?

– Отставить, – смилостивился подполковник.

Корреспонденты вопросительно смотрели на него.

– Дело в том, что этот взвод укомплектован противогазами старого образца, поэтому они если и будут петь, то мы их будем плохо слышать. А вот в новых противогазах, в них есть динамики, ну, мембраны, однако у нас проблема со снабжением. Пока занимаемся в том, что есть. Можете даже отметить это в своих статьях, я был бы признателен. Ну а так вот видите, физическая подготовка солдат хорошая.

Шел десятый круг. Хоть плац и небольшой, но дышать в резине – занятие весьма неприятное. Проще говоря, легкие разрываются в поисках кислорода, а его нету. Одновременно приходится еще и шевелить мослами. Умные люди засовывают спичечные коробки между скулой и резинкой, так что немного свежего воздуха можно всосать со стороны. И такие фокусы проходят, а вот те, кто снизу противогаза выдирает клапана, препятствующие попаданию в защищенные области отравленного воздуха, тем приходится несладко, когда их отправляют в палатку, наполненную слезоточивым газом. Но сегодня никаких палаток им не светило, это так, мелочи жизни, и у самых умных клапана отсутствовали.

И тут, пока взвод нарезал круги, со стороны показался рядовой Резинкин, успевший сгонять вместе с Петрусем по инициативе лейтенанта Мудрецкого в парк, где они нашли кусок длинной, толстой трубы. Принесли железку вдвоем, бросили на асфальт. От группы бегущих отделился здоровый такой солдат в противогазе и защитном костюме, подошел к этой трубе, положил ее на плечи и усилием рук согнул ее в дугу, после чего бросил к ногам ошарашенных зрителей.

– Да, – улыбался Стойлохряков, – у нас есть ребята, которые любых десантников замочат. Это химики – настоящая элита армии.

– Как же он к вам попал, когда в десанте людей не хватает? Набрать не могут, – справился один из двоих лысых.

– Ну как... – улыбался Стойлохряков. – Посылаем своих покупателей в военкоматы, ведем селекционную работу, так сказать, комплектуем личный состав. Здоровые люди – они везде нужны. Ну как, будем смотреть, пока они здесь все не лягут? Может быть, выясним, кто самый выносливый? Или же вернемся к истории части?

– Да нет, тут интересней, интересней! – загалдела Глаша.

Но на нее неприятливо посмотрели подруги, ведь парило – вроде как бы тучки, в то же время и солнышко проглядывает время от времени. Дождь не начинается. Давление пони-

женное, влажность большая. В своих блузочках и футболочках девчонки пропотели. Мужики, которые по приезду были в пиджаках, сейчас с себя их снимали и оставались в рубашках. Комбат также держал пиджак на сгибе руки и сейчас ратовал потихонечку за то, чтобы они поднялись в штаб. И тогда бы лейтенант Мудрецкий и начальник штаба закончили бы здесь выступление.

– А может, они нам еще что-нибудь покажут? – не унималась Глаша.

Стойлохряков передал через Холодца находящемуся на плацу Мудрецкому, чтобы тот быстренько придумал еще что-нибудь. Лейтенант был обескуражен, он в цирке не работал. Что он сейчас здесь, жонглировать будет или на шпагат сядет? В то время пока он размышлял, его взвод нарезал круг за кругом, и все зависело от лейтенанта, когда он придумает что-нибудь.

Положение надо было спасать. Выматывать людей просто так, ради показухи, Мудрецкий не желал. Поскольку он взводник, считай, что он их папа, и лишний раз наказывать людей, даже ради приезда каких-то корреспонденток...

– Шагом! – скомандовал лейтенант. – Отбой химической тревоги!

Люди с облегчением посрывали с себя «презервативы» и стали вытирать вспотевшие лица потными же руками, сдирая резиновые перчатки.

– Ну вот видите, – с наслаждением смотрел комбат на своих людей, – вот это и есть боевая подготовка. Сейчас нам лейтенант еще что-нибудь продемонстрирует, – с надеждой поспешил добавить комбат, хотя и не знал, что же можно такого еще выкинуть. Вот хорошо с трубой придумали, Простаков выступил. А что еще?

Резинкин не поленился и посчитал – они пробежали по небольшому плацу сорок шесть кругов. Это не слишком много, но зачем же так вот с людьми после обеда? И когда их лейтенант остановил, Витек стал пялиться на молоденьких корреспонденток уже не через стекла противогаза, а, что называется, невооруженным глазом.

Тем временем Мудрецкий скомандовал:

– Интервал три метра!

Люди, стоящие в две шеренги, рассредоточились по плацу.

– Упор лежа принять! – скомандовал Мудрецкий.

Все нехотя уперлись руками в асфальт.

Вместо того чтобы скомандовать отжиматься, он приказал: «Запевай!», как раз то самое, о чем мечтал Холодец.

Весь химзвод стоял в упоре лежа и пел: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой», и так далее.

Резинкин, стоя в упоре лежа, глядел на девок, которые что-то помечали в своих блокнотиках. Вот, наверное, напишут в статьях, какие есть необычные упражнения в российской армии.

После того как песню кое-как прогорланили, Холодец встал рядом с Мудрецким и скомандовал:

– Кто последний, – имелось в виду останется стоять в упоре лежа и не рухнет, – тот на завтрашний день будет освобожден от службы и сможет провалиться на кровати целые сутки, временно забыв о нахождении в части. Только кушать вставать, и все.

Пацаны завелись. В самом начале Резинкина заставляли отжиматься, и, на удивление, он делал это легко, мог большое число раз повторить одно и то же движение. Сейчас он был явным претендентом на победу и стоял в упоре лежа, упираясь только носками ног и руками в асфальт, и усиленно потел. Химзащиту никто ведь не снимал. Он чувствовал, как по нему струятся ручейки пота, – тело обильно отдавало влагу. По лицу тоже текло.

Один за другим падали его сослуживцы. Простаков держался, но вскоре и он рухнул. Остался Резина да сержант Батраков. Батрак стоял, как скала, но и она дала трещину секунд через двадцать. Последним оказался Резинкин.

Комбат был доволен – спортивный праздник удался. Девушки заплотировали. Пришлось и самому главному командиру что-то сулить. Он подозвал победителя к себе и пожал цепкую руку Резины своей здоровой ручищей.

– Молодец, – похвалил он. – Что хочешь? – потом сам себя поправил: – Нет, ну это, конечно, слишком. Давай так, майор Холодец тебе один день отдыха пообещал, а я тебе три дня к отпуску.

Резинкину бы разулыбаться да отблагодарить, но он прекрасно знал, что сегодня комбат дни к отпуску прибавит, завтра отнимет – в результате ничего не будет.

– Разрешите, товарищ полковник, ответное слово! – попросил взмыленный рядовой. Не ожидая ничего такого, Стойлохряков скривился, но все-таки дал добро, не позориться же перед гостями. Попробовал бы он у него ответное слово попросить, когда никого постороннего на территории части нет, он ему дал бы возможность поразглагольствовать, разгребая помои. Но сегодня другой день. Журналисты приехали в часть, и надо держать марку.

– Да, – согласился он. – Сейчас вот наш товарищ поприветствует вас, так сказать, от рядового и сержантского состава.

– Спасибо, – поблагодарил Резинкин и спустился на две ступенечки вниз. – Дорогие журналисты, – начал он и после этого смотрел только на девушек, – знайте, пожалуйста, что мне легче вас всех по очереди трахнуть, чем здесь на плацу горбатиться. Думаю, в этом случае вы остались бы более довольными, нежели наблюдая за всем этим представлением.

Девки не сели только потому, что некуда. А тем временем Резинкин приложил руку к кепке и справился у своего начальника:

– Разрешите идти?

– Иди, – улыбался Стойлохряков, – иди. Становись в строй, сынок.

* * *

Через полчаса Резинкина выцепили. Нервно дергающийся майор лично сообщил ему, что он сегодня идет в наряд по парку и проводит в этом наряде еще как минимум три дня, для того, чтобы, не дай бог, кто-нибудь его непрезентабельную рожу на видеокамеру не заснял и ненормативную лексику на диктофон не записал.

Строго говоря, оскорбление было нанесено лишь гражданским лицам, которые не попадали под юрисдикцию армейских законов. Соответственно, и воздействовать на рядового строго по законам подполковник не мог. Единственное, на что он был способен, так это запрятать его в парк. И здесь дело было не только в законах, а в том, что в принципе-то солдат был прав – вся эта показуха, кому она нужна в их поселке Чернодырье, для чего?

Да, пожалуй, с академией придется повременить, можно себе представить, что там после таких слов эти девки у себя в Москве понапишут. А потом его доброжелатели покажут все эти статьи товарищам генералам, и если пустят его в академию, то только сортиры чистить.

Упрятав Резинкина в парк, подполковник надеялся замять инцидент. Он прикладывал все свое красноречие, даже, против обыкновения, без бутылки водки, для того чтобы обмаслить ситуацию, и переводил разговор на разные темы, касающиеся новых видов вооружения, перспектив развития, ну и тому подобное.

А Резина тем временем собрался за тридцать секунд и под контролем самого Холодца сел в «уазик» к прапорщику Евздрихину, который и отвез его в наряд, где сейчас торчал третий взвод третьей роты. Сегодня вечером, в шесть, должны были заступать именно химики. Каково же было удивление Резинкина, когда вместе с ним по парку отправился дежурить только лейтенант Мудрецкий, а никого из солдат больше не прислали.

– А почему никого нету? – спросил Витек.

– А потому как ты слишком здорово языком работаешь. Больше никого не будет. Один за двоих будешь тащить. Ночь не спать, за порядком следить. И так трое суток. Если тебя кто-нибудь застанет спящим, комбат найдет другие способы воздействия.

– А ведь вы, товарищ лейтенант, со мной согласны?

Мудрецкий подумал. Поскольку он был человеком опытным, – как-никак, по молодости один развод пережил, – он согласился:

– Действительно, лучше с ними тремя, чем по плацу в противогазе бегать.

* * *

Наступила ночь. Похолодало. Градусов на улице пятнадцать-шестнадцать. Для лета ощущаемо. Затопили буржуйку, и в кунге температура стремительно поползла вверх. Разморило.

– Хорош, – скомандовал Мудрецкий, – а то мы тут запаримся. Ну-ка, дверь открой. Не, – пожаловался лейтенант на собственную тупость, – зря печку топил. Какой воздух хороший был, сейчас опять все этим дымом провоняет.

И тут у ворот парка остановился «Фольксваген».

– Это че, – не понял Резинкин, – они че, не уехали?

Три девушки – уже никаких мужиков из Самары не было – вышли и подошли к воротам.

– Эй! – позвали они. – Узнаешь?

– Узнаю, да я на службе.

– Э-э нет, – запела Глаша, – не надо. Что ты там нам пообещал сегодня на ступеньках?

Резинкин моргал – не верил ни глазам, ни ушам. Он стоял около ворот и глядел то на этих молодых кобыл, то на лейтенанта, высунувшегося из будки в дверь. Мудрецкий улыбался.

– Рядовой.

– Я! – воскликнул Резинкин.

– Разрешаю отсутствие в течение... – тут Мудрецкий сделал паузу и прикинул. – Да ладно, только от ограды парка больше, чем на пятьдесят метров, не удаляться.

Витек еще стоял, не понимая, чего тут, собственно, ему разрешили-то, а тем временем девчонки уже дергали калитку.

– Ну, ты чего? Мы из Москвы приехали, понимаешь?

– И че, в Москве солдат нету?

– Нет, мы о тебе написать хотим. Ты ведь победил сегодня?

– Ну, победил, – согласился Витек, отворяя ворота и выходя за территорию.

– Пойдем к нам, в машину сядем, – тараторила Глаша. – Мы сейчас тебя обо всем спросим и обязательно хорошую статью напишем.

Мудрецкий смотрел в маленькое окошко будки, снятой с автомобиля, и видел, как при свете фонаря размеренно раскачивается «Фольксваген».

«Да, – думал он, – с какой же силой нужно водить ручкой по бумаге, чтобы машина ходуном ходила».

* * *

Под утро измочаленный Витек вытек из микроавтобуса и медленно-медленно вполз на кушетку, стоящую в кунге.

Лейтенант Мудрецкий приветливо помахал довольным, но сонным девчонкам. Самая здоровая из них села за руль, и они укатили куда-то в неизвестность.

А в это время Витя Резинкин с расстегнутой ширинкой дрых без задних ног и без снов. Какие тут сны! Тут такая реальность, что ни в каком сне и не приснится! А кто бы мог подумать, что эти три девчонки такие классные, да еще между собой подружки. Никогда ничего

подобного с ним в жизни не происходило. Да и вряд ли когда еще случится. Он спал сладким сном, а лейтенант, покуривая, сидел рядом с кунгом и поглядывал изредка на встающее из-за далекого леса солнце. Начинался новый день, и начинался он для всех по-разному, но вряд ли сейчас в российской армии был более счастливый солдат, чем Витек Резинкин.

Глава 2

Цветмет

Спустя три месяца после вышеописанных событий, когда дембельнулись Забейко и Каза-рян, когда во взвод влились Кислый и Ларев, когда в столовой пару раз в неделю давали молодую картошку, когда у медсестры Лизочки вскочил на левой попе чирый, солнце склонилось к закату, обещая прохладную ноябрьскую ночь. Самое время погулять, но приходится возвращаться к конюшне и ставить лошадей в стойло. И все из-за того, что одному завтра на службу, а другому необходимо делать вид, будто он руководит целым районом.

Комбат Стойлохряков на пару со своим приятелем Протопопом Архиповичем Шпындрюком ехали верхом на лошадях, а сзади в запряженной двумя кобылами телеге тащились в коробчонке их жены. Маленький, пузатенький Шпындрюк трясся на спине лошади раза в два чаще, чем она ступала по земле, при этом он подскакивал от каждого телодвижения любимого им гнедого жеребца на десяток сантиметров. Комбат же, придавив своей полторацентнеровой тушей крепкую, приземистую лошаденку, сидел на ней, как на кресле. Бедная лошадь страдала от тяжеленного седока и часто дышала. Комбат давно уже не садился в седло и в конце конной прогулки чувствовал ломоту в мышцах – постоянно держать спину прогнувшись было для него с непривычки тяжелым испытанием. А Шпындрюк, несмотря на возраст, чувствовал себя прекрасно. Тем более что и поездка прошла не зря.

Они успели обсудить, кроме погоды и собственных жен, еще и деловые вопросы. Сейчас у Стойлохрякова было предложение к главе администрации. В одну харю комбат не решался проворачивать подобные операции, а вот если у него будет за спиной Шпындрюк с его связями и способностью выходить сухим из воды, то тогда можно. И Протопоп Архипович решил для себя вопрос, поднятый Петром Валерьевичем, положительно. Он даже пообещал прислать на данное мероприятие двух братков для того, чтобы они помогли сопровождать груз и в случае необходимости разруливали ситуации на дорогах.

Сама идея собрать цветные металлы с частей была воспринята Шпындрюком с большим интересом. Он первым же делом спросил, что будут вывозить и в каких количествах. Стойлохряков мог уже сейчас предполагать, на что же они могут рассчитывать. Он всю прошлую неделю провел в разъездах и побывал на четырех точках, где служили его старые знакомые: майоры да подполковники, желавшие неплохо подзаработать.

Единственной проблемой в данном мероприятии была приличная сумма наличными деньгами, которую необходимо взять с собой браткам. Ведь после того, как грузовик будет заезжать на территорию какой-нибудь части и уезжать оттуда, заваленный металлоломом, сразу придется отстегивать местным хозяевам. Хоть и будут платить раза в три меньше от стоимости того, что собираются забрать, но ведь речь идет о тоннах, и соответственно денег приходится готовить достаточно много. Даже если бы у комбата нашлась сумма, он все равно не рискнул бы, потому как, допустим, сбавить десять тонн меди вперемешку с дюралюминием – весьма проблематично. Такими вопросами лучше пусть займется сам Протопоп Архипович, у него наверняка и подвязки есть.

И действительно, Шпындрюк сделал своей маленькой ручкой успокаивающий жест: его ладонь, направленная к земле, едва погладила невидимую собачку:

– Ничего-ничего, – скороговоркой отвечал он на беспокойство Стойлохрякова. – Это мы решим, здесь проблем не будет. Главное – собрать все с точек, а дальше к нам сюда из Самары люди сами приедут подготовленные. Беспокоиться не стоит. Вы только соберите. Когда готовы начать?

Стойлохряков крякнул и невольно немного сдавил ногами сидящую под ним кобылу. Та дернулась, но затем снова пошла шагом, поняв, что это не команда, а просто неловкое движение седока, выносить которое было просто мучительно, лучше бы сидящая на ней туша не ворочалась; а самый хороший вариант – не залезала бы на нее вовсе. Ведь когда он поставил ногу в стремя и начал садиться, все пузо так стянуло... Подпруги впилась в кожу. Кобыла мотнула головой, прогоняя дурные мысли: «Ведь бывают же такие жирные люди. Вот лошадей таких нету – все, кто форму не поддерживает, быстро помирают. А вот здоровые и тяжелые люди живут и процветают. Странные существа».

– Начнем, Протопоп Архипович, как только, так сразу. Главное – оборотные средства.

– А, об этом не беспокойся. Сейчас заедем ко мне домой и я тебе выдам. Сколько надо?

– Сто тысяч хватит, – озвучил свои прикидки Стойлохряков.

– Ну хорошо. Я надеюсь, расписку с тебя брать не надо, – Шпындрюк рассмеялся, увидев, как комбат пытается высветить на своем «табло» фразу: «Ну конечно, какая, мол, фигня! Мы ж тут друг друга знаем, рука руку моет...» и все в таком духе.

Наконец, эмоции сошли с лица комбата, и он погрузился в чисто организационные моменты, ведь необходимо определить, кто же из его солдат поедет на загрузку, не сам же он будет все эти металлические штуки кидать в кузов. Там явно будут и кабели, и, заблаговременно распиленные и привезенные с лодочных баз, что на Волге, сделанные из дюралюминия лодки, потом огромные списанные трансформаторы с подстанции, которые еще придется разбирать, удаляя обмотку.

Один майор пообещал даже около полукилограмма золота и грамм сто платины, которые собирал несколько лет, вымывая из радиодеталей и ценной аппаратуры. Серебра же он вообще надыбал килограмма два, имея доступ в свое время к складам, на которых хранилось списанное электрооборудование, собранное еще в социалистические времена. Тогда никто не считал количество драгметаллов, используемых на нужды военки, – все было направлено на повышение обороноспособности. И сейчас пришла пора выскребать последнее из того, что осталось с тех далеких времен.

* * *

Утром следующего дня химикам определили заниматься по расписанию, что означало четыре часа на плацу тянуть ножку, ходить строем и орать песни. Прежде чем приступить к муштре, Стойлохряков пригласил Мудрецкого следовать за ним, чему лейтенант не удивился, его мучил только один вопрос: зачем?

Войдя к себе, подполковник занял место за рабочим столом и пригласил командира взвода садиться. Юра сел.

– Ну че, пить будешь? – спросил, глядя в глаза, Стойлохряков.

Мудрецкий поднялся:

– Товарищ полковник, так рабочий день только начался.

– Ответ правильный, – согласился Стойлохряков. – Я тебе и не предлагаю, я просто спрашиваю: ты, вообще, в принципе-то, по жизни, пить будешь?

Мудрецкий решил отмолчаться, поправляя лишь в нервном тике новенькие очки, которые выправил себе в один из выходных дней, съездив в Самару.

– Ладно, че трясешься? – расхохотался Стойлохряков. Лейтенант опустил руки по швам и тоже стал тупо улыбаться. – Сейчас получишь от меня спецзадание. Иди сюда.

Стойлохряков достал из стола карту и разложил ее на столе:

– Вот это Самарская область.

– Ну да, – согласился Мудрецкий, глядя на очертания.

– Поедешь сюда, сюда, сюда и сюда, найдешь там воинские части – вот тебе список. – Комбат передал лейтенанту два листочка, выданных из блокнота. – Здесь написаны номера частей и как к ним проехать. Найдешь вот этих вот людей, там все написано.

Мудрецкий глядел в листочки и гугукал в знак понимания, яко младенец. – Скажешь, что от меня. Дальше будешь делать то, что тебе велят.

Мудрецкий все-таки осмелился спросить про то, чего велят.

– Не волнуйся, убивать никого не надо. Просто возьмешь с собой троих: одного водителя, двух грузчиков. Будете металлолом грузить. Объедешь все четыре точки на «КамАЗе», – тебе для этого дела длинномер выделяют с тентом, – и вернешься обратно. Вот и все.

– И за сколько надо успеть? – Мудрецкий глядел на пункты, в которые необходимо было попасть.

– Ну, как справитесь. Лучше суток за двое. На больше задерживаться нежелательно. Кого с собой возьмешь?

– Если грузить, это значит Простаков. Если водитель, то Резинкин.

– А еще кого?

– Ну этого возьму, Валетова.

– Да зачем тебе такой мелкий-то? Он там себе пупок надорвет.

– А, это не важно. Главное, его Простаков слушается. Сейчас еще одного здорового возьму, так Леха заставит того работать, а сам отлынивать будет. А если маленький поедет, то он живо Простакова оседлает, для того чтобы самому особо не напрягаться.

Комбат, слушая такие доводы, соглашался:

– Да, здорово, лейтенант, хорошим преподавателем становишься, начинаешь разбираться в человеческой психологии. Ну а пить-то будешь?

* * *

Сержант Батраков никогда не находился в хорошем расположении духа во время занятий по строевой подготовке. И не потому, что ему приходилось топтать в строю, – совсем наоборот, он был вынужден из-за того, что когда-то сам отличился на этих занятиях, теперь муштровать своих же товарищей. При этом делал он это весьма качественно, но только в те мгновения, когда рядом появлялся какой-нибудь офицер.

Пока Мудрецкий общался с комбатом в штабе, дембель Женя пару раз вяло прогнал по плацу химиков, затем построил их в две шеренги в тенечке, и так они стояли, переговариваясь друг с другом и отбывая номер, пока не подошел их взводник.

Мудрецкий выдернул из строя Простакова, Резинкина и Валетова, а остальным приказал заниматься по программе вплоть до обеда. На приказание сержант Батраков вяло ответил: «Есть», скорчил злую рожу и гаркнул: «Смирно!» – взвод поспешил выпрямить коленки и задрать подбородки.

– Хорошо командуешь, – похвалил Мудрецкий. – Даже у меня так не получится.

После того как лейтенант увел троицу, Батраков, оглядев своих же товарищей, двинул перед строем фразу:

– Кто бы знал, как я тут заколебался кирзу топтать! Смир-р-но!!!

* * *

Солдаты служили уже не первый день и такие детские вопросы, куда их сейчас определяют и долго ли им придется отсутствовать в части, не задавали. Само собой, если подъехал прапорщик Евздрихин и спросил: «Те ли это самые, которые поедут?» – «которые поедут» сразу

смекнули – вряд ли к обеду их возвернут обратно, а то и ужин пропустят... Ну если так, то надо с собою сухпай брать.

Беспокоясь о собственном желудке, Простаков потихоньку на ушко спросил у Мудрецкого:

– Товарищ лейтенант, а пропитание дадут?

Стойлохряков, собирая в дорогу командира взвода, выдал ему наличными тысячу, для того чтобы не забирать в столовой жрачку и не светиться во избежание ненужных разговоров. Подполковник доходами от проданного металлолома не собирался делиться в части ни с кем. И чем тише будет проделана вся эта операция, тем лучше.

Евздрихин на служебном «уазике» отвез команду не в парк, а на машинный двор сельхозкооператива, что находился на окраине поселка Чернодырье. Здесь их уже ждал подготовленный «КамАЗ»-длинномер с гражданскими номерами. Высоченные борта, затянутые сверху новеньким брезентом, наводили на мысли о тяжелой работе. Кроме грузовика, на территории, огороженной бетонными плитами, находились еще два старых автобуса, один полуразобраный комбайн, несколько огромных колес от «Кировца», стоящих вдоль одной из стен, а также остов раздолбанного 408-го «Москвича», непонятно каким образом еще не вывезенного отсюда на свалку.

Въезд военных на территорию машинного двора сопровождался лаем двух облезлых псин, а также стоном подвыпившего сторожа:

– Куда? – вяло выль он из-под огромного зонтика с надписью «Coca-cola», вставая со своего табурета и отставляя в сторону на пластиковый столик бутылку с пивом.

На него, впрочем, как и на собак, внимания никто не обращал. Подъехав к «КамАЗу», Евздрихин сообщил, что на этом его миссия заканчивается и дальше лейтенант должен разрываться с какими-то мужиками на белой пятидверной «Ниве». Они пока никакого внедорожника не видели и вынуждены были, выйдя из машины, укрыться от холодного ветра за кузовом длиннора.

– Сигаретку, товарищ лейтенант? – предложил Резинкин.

Но Мудрецкий отрицательно покачал головой:

– Я не курю.

– А, извините. Да-да. Кто не курит и не пьет, тот здоровенький... домой уйдет... из армии. А вот мы, молодые, товарищ лейтенант, травим свой организм.

Солдаты закурили, а Мудрецкий, подчеркивая собственную независимость от табака, встал несколько в стороне. Раздолбанный и засранный машинный двор наводил на него тоску – полнейшая разруха, и только один пьяный сторож, который уже успел подгрести и стрельнуть у бедных солдат сигарету. Солдаты, хоть и бедные, но не жадные, и табаком поделились. Хотя по жизни имеют полное моральное право клянчить сигареты у него, потому как для курящего человека норма выдачи сигарет в армии – мизер и их постоянно не хватает.

Белая «нивушка» показала во дворе спустя пятнадцать минут – как раз успели перевести дух, собраться с мыслями. Из машины вышли двое. Один повыше, несмотря на свежую погоду, в белой футболке, которая подчеркивала его мощные плечи, грудь и узкую талию, – спортсмен, и этим все сказано. Второй на голову ниже, с бритой башкой, жилистый, в черной кожаной куртке.

Оба подошли, поздоровались со всеми – невзирая на то, лейтенант перед ними или рядовой. Для этих представителей неизвестно какой силы и какой власти – все равны.

О том, что операцию будет патронировать сам Шпындрюк, Стойлохряков рассказывать Мудрецкому не стал. Зачем? Лишняя информация уйдет на сторону. Не надо. Пусть едет и делает, что ему говорят, и не задает лишних вопросов – на то она и армия.

Здоровый назвался Колей, а жилистый и лысый с цепью из желтого металла на шее – Вованом. Причем, когда он жал руку Мудрецкому, посмотрел в глаза своими серыми злыми

зенками и попросил его называть только «Вован», но никак не «Вова» и не «Володя». Юра уже попривык немного к службе. Со всякими козлами сталкивался, а то, что сейчас перед ним козел, он не сомневался.

– Да я все понял, Вован, – ответил он ему в тон, что жилистому понравилось.

– Кто тут у вас водила? – золотая цепь начала разруливать. Водилой, естественно, был Резинкин. – Садись за руль «КамАЗа», рядом с тобою поедет Колян. На него записан этот гроб на колесах. А я двигаю впереди. Со мной нормально будет, если вот этот вот здоровый поедет.

– Я – Леха, – напомнил Простаков.

– Ну, да. Ты Леха. – Вован хлопнул Простакова по плечу. – Леха, ты запомни, по трассе че случится – выходим оба. Ты стоишь, молчишь, я разговариваю. Не вздумай ниче ляпать.

После такой инструкции товарищам солдатам немножко стало не по себе. Какой-то стрем намечается. И во всем виноват Стойлохряков, сунувший их в яму с непонятно каким дерьмом.

Расселись по машинам. В белых «Жигулях», кроме Простакова, разместился еще и лейтенант, а Валетов, Резина и коротко стриженный Колян сидели в большой кабине «КамАЗа». Машины выехали и взяли курс на юг, к первому пункту назначения: Большой Черниговке.

Из краткой характеристики, нацарапанной на листочках блокнота корявым почерком комбата, явствовало, что там им предстоит найти майора Сапожникова; что за человек – никакой информации предоставлено не было. Оставалось ехать да гадать, какой их там ожидает прием, после того, как лейтенант сообщит, что он засланец от Стойлохрякова.

Машина Резинкину понравилась – новенькая, заводится сразу, нераздолбанная, в салоне даже магнитола стоит. Тут же поставили легкую музычку и тихим сапом со скоростью восемьдесят по трассе пошли вниз к экватору.

Подлетное время составляло четыре часа: хочешь – не хочешь, а расслабишься. Простаков разложился на заднем сиденье и сейчас балдел, сидя в легковушке. Надо же, ничего делать не приходится. Такие моменты по службе он обожал: спать ли, ехать ли – все одно не работать. Сиди себе, радуйся жизни.

Вован, сидя за баранкой, молчал недолго. Через полчаса он поставил свою любимую пластинку. Все разговоры у него сводились к тому – с кем, когда он и кого из женского пола ублажал. Послушать бывалого в любовных утехах мужика – весьма интересное дело, особенно для молодого и неопытного Простакова, да и не слишком-то просвещенного, несмотря на свой развод, Мудрецкого. По тому, как рассказывал о своих похождениях Вован, выходило, что Каза nova – это первоклассник по сравнению с ним, питомцем русских просторов.

За окном один пейзаж сменял другой, а лысый Вован под тихое мурлыканье радио «грузил» пассажиров рассказами:

– Представляете, сию я в кабаке. Играет, понятное дело, шансон, и такой кабак клевый. Там заходишь и сидишь, как в ресторане. К тебе герла подходит и спрашивает, че те надо, ну и тыры-пыры, все такое. И вот я, как цивилизованный мэн, сажусь за столик один, понимаете? Пришел вот прилично одетый, бабки на кармане – все дела. Сел, жду. Идет. Такая... Попы нету, ноги худые, волосы длинные, а рожа помятая. Ну такая девка подержанная. Должны меня понять.

– Ну да, ну да, – соглашался вяло Мудрецкий.

– Ну так че. Она, раз, и останавливается у соседнего столика. Думал, чувиха ко мне идет, а она у них, понял. Я не в понятках гляжу на какого-то рыхлого уroda, а он ей начинает че-то заказывать, она че-то записывает в блокнотик, прям как вот в штатовских фильмах, там у них тоже такие все подходят к столикам и че-то записывают, потом, бах, приносят хавку и после этого – деньги. Ну я думаю, щас и ко мне подрулит, тоже я ей закажу, она мне хавку, потом деньги, потом ко мне в хату, и на всю ночь. Во как я хотел заказать. А не просто так,

как этот рыхлый там че-то: салатик ему, че-то еще. Я, прям, все конкретно заказываю. Если ко мне телка подходит – беру все, понимаешь?

Ну так и думаю, щас ко мне эта худая кобыла подскочит и я с ней разрулю все вопросы. Ну а тут такая фигня. Она заказ с него взяла и учморила на кухню, чтоб потом вернуться с подносом, ну вы понимаете.

Я сижу, думаю, ладно, фиг с ним – обстановка нормальная, музон. Сейчас подвалит, и я с ней все дела обррую. И тут ко мне подходит такая, знаете, у нее зад, как пять моих, грудь – по две мои башки. Но главное, фартучек такого же кремового цвета, как на той, худой, только материала на него ушло столько, что для худой можно шить не только свадебное платье, но еще и комплект постельного белья в придачу сделать. Ну так она стоит и говорит мне: «Что вы будете заказывать?» У меня уже, пока я на худую смотрел, рот полон слюны. А эта вся из сала такая... мне меню протягивает. Ну че, думаю, щас похаваем, бабки-то на кармане.

Ну и начинаю называть там: пиво, там, раков, салатик, соответственно. Никакой водки. Вот, пацаны, верите – нет, я эту официантку увидел, посмотрел в ее черные томные глаза, на ее грудь и бедра, и просто думаю, ну не могу я сегодня водку, не должен, понимаете. Только вот пива и чуток закуси, и все. Ниче не надо. И говорю ей: «Слушай – деньги сразу даю за заказ», – все там, переплатил не помню сколько, не важно, она-то... понимаешь, баба – она ведь хитрое существо сразу считает че, как я ей там надбавил. Ну и, видать, она смекнула, что перед ней-то не простой чувак, а с баблом, да? И, короче, говорю ей: «Ты давай сегодня закругляйся, я тебя вечерочком к себе домой провожу». Ну она че, взрослая женщина, да? Если бы я вот ей сразу не понравился, она б че сказала? Что, да нет, мол, типа того, я тут круглые сутки и домой вообще не хожу, да? Так не, она че, деньги забрала, сдачу, смотрю, не дает мне. Ну, значит, понимает, к чему дело-то. Вот.

Ну пока она там стоит, немного соображает, я ей так рукой, мол, говорю типа, наклонись, мол, ко мне. Ну она так че-то по сторонам посмотрела, вроде наш разговор никому не нужен. Ну и она так, хоп – ко мне наклоняется, я ее сразу раз так, в щечку чмокнул, говорю на ушко: «Ну че ты думаешь-то?» Ну она так че-то еще постояла немного, помолчала, потом обратно разогнулась, думала, что я ее еще целовать буду, а я, вишь, нет, я хитрый, пока она ответа мне не даст, все, я ее больше не целую. Ну и она мне, типа, давай, мол, в девять сюда подъезжай, ну она там думает, че же, что я на тачке, типа того. Но тачки-то у меня нету.

Ну че делать? Не фига, я нанял такси. Я ему сказал: «Мужик, ты стой». И вот пока мы с ней вышли. И тут она мне заявляет, бац, что я, мол, типа с тобою к тебе не поеду. Поехали, мол, ко мне. Ну и че. Мы поехали к ней. Все. Заходим. Я только вот с опаской думаю, е мое, щас вот начнем ведь кувыркаться, да? Ведь она будет меня крутить, я-то ее никак... Она на полголовы выше, такая здоровая, с длинными волосами с кудрявыми, и смотрит на меня так тоже, как вот я на нее, типа как на добычу.

И тут понимаете, мужики, когда мы с ней остались в ее однокомнатной квартире, ну детей нет, соответственно, чувствуется, у бабы жизнь так не очень. Вот подвернется ей мужик, она с ним идет, да? И я смотрю, она, значит, раз – и раздеваться начинает. Мы ниче, не сидели там, не говорили. Вот.

Ну че, вы ведь смотрите на меня, че я, мужик-то я худенький, это ж надо все жилы напрягать, чтобы ее там завалить или че, ну если она, допустим, не в настроении, ты фиг такую заглушишь. А эта ниче прям, сама, все нормально, тыры-пыры. Ну только мы вот занялись, да, вот только, прям вот только вот все пошло... И тут звонок в дверь. Я говорю: «Слушай, ты че, замужем?» Она: «Не фига. Как можно. Я вообще никого не жду». А в дверь звонят. И че делать? Я метнулся, соответственно, за штанами – трусы-то, фиг с ними, пусть они висят на стуле. Я не стесняюсь, я просто, чтобы одеться. Че под руку подвернулось первое.

Она на себя халат надела – халат размером, как чехол вот для этой «Нивы». Ну и че. Выходит, значит, открывать дверь. А у дуры даже «глазка» нет, ей бы посмотреть, кто пришел.

Слышу, че-то какой-то бас такой, прям вот как динозавр разговаривает. Ну и фиг ли. Я трусы-то в карман запихал брюк – ну это же светиться же – пока там че-то в коридоре «бу-бу-бу», начал уже одну пуговицу на рубашке застегивать, ко второй перешел. И тут в комнату заваливает такое чудовище... Ну вот если она – это ужас, то представляете, какой мужик заглянул? Он, наверно, еще раза в два больше, чем она, просто не помещался в дверном проеме – так бочком завалил. И мне так из-под люстры: «Ты кто?» – говорит. Ну а я че скажу, что слесарь-гинеколог, что ли? Ну нет, говорю, просто вот знакомый, там, то, се. Она ему, типа, свою жирную руку на грудь ложит, а там не грудь, там Эверест и Казбек – две горы такие. И, типа, ему: «Миша, мол, не надо». А Миша там взял ее так в сторону подвинул, как нет ниче, – нет ниче: там полтора центнера, такое зверье, да? – в сторону отодвинул и ко мне. И че вы думаете?

Он не один зашел. Следом, опять же бочком, вваливается еще такой же урод. Нет, они, прям, два урода. Вот я нарвался! Нет, вы поймите меня как нормального человека, это вообще в первый раз вот в жизни я влетал так, по полной... Со слонопотами связался. После этого я уже к толстухам не пристаю. Я, прям, в их сторону импотент полный. И че, второй заваливает, оказался братан этой толстухи, а первый – это, я так понял, ее основной... ну вы поняли, да? – тот, который постоянно с ней занимается.

Я, типа, за вежливого сошел, свою вот тут вот цепочку так поправил и говорю так, ну, типа, собрался я уже на выход, что, мол, извините, мне, видимо, идти надо. И че вы думали, вот эта баба моя, – ну в смысле это их баба, да, но вот она уже моя была, вот уже все, – так она берет и говорит им: вы давайте, мол, идите... Нет, она так культурно все, ведь в баре работает официанткой. Там нужно с клиентом общаться. И она им тоже так разрулила, я даже не повторю сейчас. Мол, вы идите там тыры-пыры в гараж там, че-то там надо принести там, че-то какие-то где-то доски вбить кому-то – в общем, загрузила их хозяйством, и это в десятом часу вечера. Чудеса полные, в натуре.

Эти оба слона че-то постояли, помялись и ушли. И вот вы понимаете, я сижу на стуле, да, весь потный от ужаса, ниче сказать не могу, внутри все трясется. Она передо мною скачет-плачет, хочет, ну понятно, время-то идет, они же щас вернуться с банками и досками, а вы вот, мужики, понимаете, вот сижу я... Наверное, взгляд у меня был стеклянный, ну, прям, вот эти, знаете, такие шарики вот стеклянные; их вот мне взяли вот и в глазницы вставили. И вот с этими шариками сижу я, гляжу в никуда, и мне уже ниче не надо. Это вот, мужики, один раз в жизни, когда у меня ниче не вышло. Я еще посидел минут пять и так, со своими собственными трусами в кармане, от нее и вышел.

И знаете, че самое интересное, вот иду я и думаю, что не фига на каждую первую встречную кидаться. Надо было вот ту макаронину подождать худую, у нее так, если бы и к ней, то соответственно завалит-то... ну кто там придет, ну брат у нее такой же худой и мужик ее основной тоже худой – ну с ними там даже махаться можно. Ну а со слонами-то, че делать со слонами? Вот так вот. Так что, мужики, по жизни разборчивее надо быть, разборчивее.

Простаков очнулся, сморгнул, закрыл рот и снова развалился на заднем сиденье. Мудрецкий после столь серьезных душевных излияний качал головой в знак согласия и, наконец, произнес протяжное «да-а-а».

– Вот и я говорю, – согласился Вован. – Это не просто так, не шутки. Так что снимете толстуху – вы должны быть готовы к тому, что рядом с нею просто монстры, как говорится, «потомственность», а от нее никуда не денешься.

* * *

Ехавшие в «КамАЗе» Резинкин, Колян и Валет также вели разговор о бабах. Но никто интересных историй вспомнить не мог, а своими собственными похождениями здоровый спортсмен Коля предпочитал не делиться. Он все больше поправлял рассуждения молодых

насчет женского характера и темперамента. После недолгих споров троица сошлась во мнении, что бабам в мужиках нравятся три вещи: деньги, бедра и мозги. И с этим согласились все. Именно в такой последовательности. По нашей жизни каждая хочет продать себя подороже. С этим утверждением, которое издал в свет Фрол, Колян согласился, цокнув языком. Резинкин хотел было возразить, но потом, пораскинув мозгами, также согласился.

Второй тезис, насчет бедер, он понятен: чем плотнее и больше, тем лучше – ощущает, с кем имеет дело. Ну и третье – это мозги. Ведь в конечном счете женщина должна чувствовать, что рядом с ней настоящий мужик, и поскольку в постели проходит не вся жизнь, необходимо, чисто по бытовухе, контролировать все женские зае... иначе она ему на шею сядет, и тогда, – по мнению троицы, – никакого счастья ни у бабы не будет, ни у мужика. Не отношения, а не пойми что.

В таких и подобных рассуждениях две машины, пропилив около трехсот километров, приехали в Большую Черниговку. Здесь по описанию, данному Стойлохряковым, необходимо было проехать через все село и дальше по трассе свернуть на восток, проще говоря, налево.

Действительно, сразу после села пошла асфальтовая ветка куда-то в сторону, в лес. Но, как оказалось, это всего-навсего какие-то посадки, быстро закончившиеся, – и снова перед ними поля. А впереди, километрах в трех, хорошо видны стоящие на горюшке несколько трехэтажных зданий и, кажется, там еще бетонный забор.

Поехали по дороге в гости к майору Сапожникову. Действительно, ворота, облупленная красная звезда и солдат на КПП. Лейтенант вышел из «Нивы» вместе с Вованом, и они вдвоем пошли зондировать ситуацию.

Дежурный, услышав фамилию собственного командира, тут же схватился за телефон и отзвонил.

– Просил подождать, – сообщил младший сержант о результатах разговора. – Майор Сапожников сказал, что он сам выйдет к вам.

Визитеры развернулись, пошли и сели обратно в машину. Не прошло и пяти минут, как за ворота вышел небольшого роста худощавый офицер и направился к легковушке. Усатый, черноволосый и голубоглазый майор инженерных войск начал разговор с лейтенантом, который не забыл выйти к нему навстречу и отдать честь. Мудрецкий, как его учил Стойлохряков, сказал, откуда они прибыли. Глаза Сапожникова сверкнули:

– Я Леонид.

Вован стоял тут же и, не забыв назваться, протянул руку.

– Погрузка за ним, – Вован ткнул пальцем в лейтенанта, – бабло за мной. Ну че, куда ехать?

– У меня уже все готово, – затараторил Сапожников. – Сейчас надо сесть...

– Ну, ты, поехали! – скомандовал Вован. – Давай, майор, залазь и показывай, че тут у тебя где.

Они сели и поехали по проселочной дороге мимо военного объекта в сторону небольшого лесочка. Дорога недолго петляла между деревьями, и вскоре они выехали на местную свалку.

– Ну вот, – обвел рукой Сапожников небольшое поле, – здесь нам предстоит работать.

Наметанным взглядом Вован окинул территорию:

– Че-то я не вижу тут никакого железа-то. Нам же железо грузить.

– Не железо, а металл, – поправил его Сапожников, и они пошли вслед за старшим офицером к наваленным несколько левее картонным коробкам из-под масла и маргарина. Разбросав упаковку, майор показал пальцем себе под ноги. – Вот здесь все закопано. Надо брать лопаты и вытаскивать.

– А че там?

– Там аккуратно нарезанный кабель. Тонны полторы, наверное. Сейчас надо взять лопаты и повытаскивать. Может быть, у вас весы есть? – с надеждой спросил майор. – А то вот мы сами как-то не удосужились...

– Кабель?

– Ну да. Там медь.

– Давайте выкапывайте, – уже обратился Вован к Мудрецкому, – а потом посчитаемся, че и сколько.

– Ну а сколько вы заплатите за килограмм? – с надеждой начал торговаться Сапожников.

– Ну че? У нас весов нет. У нас вон вместо весов Колян есть. Колян, иди сюда, – позвал лысый и жилистый своего напарника. Из кабины «КамАЗа» вылез Коля. Подошел, пожал руку Сапожникову, и майор поморщился от боли. – Ну вот, это наши весы. Колян каждый день качается, он знает примерно, че сколько весит. Вот и будет взвешивать. Ему можно доверять – не обманет.

На Простакова, Резину и Валета пришлось всего две саперные лопатки. Орудие труда не досталось именно пассивному Фролу, соображавшему на шаг вперед. Но Резинкин, пристально поглядев на него, всучил ему в руки инструмент:

– На-ка, помаша. А то ты четыре часа тащился, а я в это время за рулем сидел.

У Фрола имелись зачатки совести, и он принялся ковырять землю вместе с Простаковым. Мудрецкий успел еще до посадки по машинам пообещать солдатам хорошую хавку, и сейчас он хотел, чтобы они работали, а, не дай бог, не застопорились и не начали выяснять, кому и сколько делать. Шевелили руками быстро, тем более что остальные, стоявшие и смотревшие на то, как двое работают, время от времени давали ненужные советы и поторапливали, потому как вроде у Сапожникова всего один час свободного времени, дальше он должен куда-то срочно ехать.

Когда сто пятьдесят трехметровых отрезков были загружены в кузов, майор с Вованом отошли в сторону. Лысый в кожанке достал из нагрудного кармана баксы.

– Курс ты знаешь, да? Короче, за каждую эту палку, – он показал на кузов «КамАЗа», – я тебе заплачу... – он поднял глаза кверху, – скажем, по два бакса. Итого получается триста грин. – Он отдал ему три сотенные бумажки.

Сапожников выкрикнул так, что было слышно всем:

– Но это очень мало!!!

Вован сделал злую рожу и вплотную приблизился к майору:

– Зато сразу и без шума. Да и никто никогда не узнает, что ты свою родину на куски распродаешь. Или думаешь, что не найдется добрый человек, который сообщит ментам о твоих проделках? Тогда прощай звание и хорошая пенсия. Подумай. – Он сам расстегнул майору нагрудный карман, засунул туда три сотни баксов и похлопал его по плечу. – Не расслабляйся, мужик. У тебя все еще впереди. Будет еще что-нибудь – звони Стойлохрякову. Понял? И не расслабляйся. – Он снова похлопал его по плечу. Майор стоял опущенный.

– Все. Едем.

– А я?

– А у тебя теперь бабла полно. Ты сам доберешься до своей части.

Мудрецкий не ожидал от Вована, что тот будет так агрессивно вести дела. Сколько он там заплатил ему за этот кабель – осталось неизвестным для остальных, только слышали, что, по мнению продавца, сумма была маленькой. Но кто же будет особо выкобениваться в таких делах? И это прекрасно понимал Вован.

Попрыгали по машинам и покатили дальше.

К вечеру они должны были подняться на север и оказаться в селе Утевка – это примерно три часа в обратную сторону. Там они и планировали заночевать, закрыв за первые сутки два пункта.

Намотавшись на погрузке, Простаков дремал. По дороге подсустились и купили в ларьках простенькой жратвы: консервов, печенья, газировки и пива. И ехали, расслабляясь.

Мудрецкому даже не пришлось тратить выданную Стойлохряковым штуку – за все платил довольный Вован, явно рассчитывающий получить с продажи этой меди хороший барыш. Он ведь спокойно мог сообщить Шпындрюку сумму в два раза больше той, что сейчас отдал майору.

Вообще, в этой поездке Вован планировал кидать всех и каждого, прекрасно понимая, что офицеры рыпаться не будут. Если они такие трусы, что сами не рискнули продавать цветмет, что же говорить о том, что они не будут возникать против того, что он их немножко подожмет.

* * *

Колеса монотонно накручивали километры, приближая путешественников к очередному пункту назначения. Небольшое село под замысловатым названием Утевка расположилось примерно на полпути между Самарой и Бузулуком.

Новую жизнь в загибающееся поселение четыре года назад вдохнули вынужденные переселенцы из бывших союзных республик. В поселке не было ни одного брошенного дома. Из-за того что люди приезжали сюда уже в течение нескольких лет, село разрасталось и жило полноценной жизнью.

Одно время пришедшая в негодность, обветшавшая церковь теперь стояла на холме заново расписанная, а вокруг нее было все чистенько и прибрано. Церковь, как в дореволюционные времена, стала гордостью новых поселенцев и старых жителей села. Сюда по воскресеньям было не стыдно прийти и в располагающей спокойной обстановке пообщаться с Богом.

Немудрено, что, въехав в село, первое, что бросилось в глаза, – это именно церквушка, возвышавшаяся на холме над всем поселком, который рос в обе стороны от проходящей через него трассы.

Машины подходили к пункту назначения со стороны Бузулука.

– Ну че, в какую сторону? – справился Вован, не зная, куда дальше ехать.

Судя по листочкам, выданным Стойлохряковым, сейчас им нужно было свернуть снова налево. Так и сделали.

По проселочной дороге стали уходить все дальше, дальше в поля. Забрались на пригорок, с которого уже в темноте увидели в низине несколько фонарей, освещавших контуры невысокого здания плюс бетонный забор.

– Нам, судя по всему, туда. – Лейтенант показал пальцем вниз на объект.

Машины с тихим урчанием пробирались по раздолбанной колее и наконец подъехали к воротам. Солдат выбежал к ним, на ходу застегивая китель, ремень и надевая кепку.

Когда лейтенант вышел из машины, военнослужащий уже был готов вести с ним разговор. Он остановился в нескольких метрах от Мудрецкого:

– Стой, запретная зона.

– Сейчас, погоди. – Лейтенант вернулся к «Ниве», спохватившись, что забыл прочитать на бумажке фамилию местного начальника. При свете лампочки в салоне он разобрал каракули Стойлохрякова.

– Тут у вас за главного, – говорил он солдату, склонившись над бумажкой, – должен быть подполковник Вя-зен-ский...

– Вяземский, – поправил солдат.

– Да, доложите ему, что приехал лейтенант Мудрецкий от подполковника Стойлохрякова.

Солдат развернулся и исчез. Ситуация пока складывалась точно такая же, как и в Большой Черниговке, – они стояли за воротами и ждали. Осталось выйти подполковнику и препроводить их на свалку. Но вместо подполковника из КПП спустя минут десять вместе с дежурным вышел капитан. Он был небольшого роста, без кепки на голове, благодаря чему в свете фар «Нивы» и «КамаЗа», а также небольшой лампочки на входе над пропускным пунктом можно было разглядеть его уже выжженные местами добела пшеничные волосы.

– Мужики, я отзвонил Вяземскому. – Он поздоровался со всеми, кто вышел размять ноги. – Сказал, что подъедет, а пока велел вас пригласить к нам.

Никто не возражал.

– Машины надо бы загнать... – с опаской оглядывая поглощенные темнотой окрестности, предложил лейтенант.

– Да ради бога.

Ворота открылись, и обе машины въехали внутрь.

– Так вам спокойнее? – белобрысый улыбался в темноте. – Ну что ж, пойдете за мной, у нас здесь столовая на первом этаже.

Кормили неплохо: картофельное пюре и тушенка. Все быстренько приготовил сам встречающий офицер, ловко орудуя на небольшой кухне.

– У нас гарнизончик небольшой – всего тридцать человек.

– Да? – удивился лейтенант. – А подполковник за старшего... Как-то народу очень мало.

– Мы кастрированные.

Кадрированные части в армии любой страны – не редкость. Подразделения разворачиваются в случае военных действий и укомплектовываются мобилизованными, а в мирное время ведут очень скрытный и малозаметный образ жизни, не выдавая собственное существование практически ничем.

– Солдат у нас всего десять человек, а остальные – все офицеры. Так что наши «пиджаки» здесь все делают. Зато служба спокойная.

Все уселись за одним длинным столом. Встречающая сторона подсутилась и выставила две бутылки водки. У Простакова загорелись глаза. Перехватив взгляд солдата, капитан покачал головой:

– Не, вы че, это только офицерам.

– Да ладно. – Коля уселся за стол последним. – Че, они не люди, что ли? Ну, вон только водителю не наливай.

Резинкин, поняв, что сегодня его обязательно обнесут, – такая уж у него судьба, – принялся жевать. Всем остальным налили. Ну, не пил, понятно, и Вован. Он только поддержал своего кореша весомым: «да» по поводу того, что и солдатам надо налить.

Предполагавшийся скорый ужин незаметно перешел в небольшое заседание, продолжавшееся уже более получаса, а подполковника Вяземского не было. Что такое для большой компании две бутылки водки? Пришлось капитану тащить из загашника следующую пару.

Мило прошел час. Все друг с другом перезнакомились, скоро стало ясно – все дела придется отложить до утра, поскольку налили и водителям. Действительно, куда в такую темень ломиться?

Базар шел своим чередом, курили прямо в столовой при включенном рядочке лампочек. Света хватало для того, чтобы не пронести закуску мимо рта и не промахнуться мимо стакана.

Где-то ближе часам к одиннадцати вбежал дежурный, – тот самый сержант, что был на воротах, – и сказал капитану о звонке по полевому телефону. Вернувшись после разговора, местный офицер сообщил приказ руководителя: всю процедуру проверить немедленно.

* * *

Двумя часами ранее пятеро синяков из местных под руководством отца Филарета занимались укладкой тротуарной плитки и бордюрного камня у церкви. Работа была богоугодной, поэтому должна была быть закончена сегодня обязательно. Отец проявлял настойчивость и убеждал вкалывающих весь день мужиков с помощью слова божьего не думать об усталости и продолжать трудиться. Действительно, они все успели и получили в награду от церкви не только деньги, но и «огненной» воды.

Работники рассовали бумажки по карманам и, обрадованные, поклонились батюшке, помолились на крест, возвышающийся над куполом, и тут же пошли в местное «кафе» – облетевшие по осени прутья сирени, росшие посередине местного кладбища, которое благодаря переселенцам продолжало функционировать.

Рассевшись на пятачке между могил под тенью деревьев, мужики в темноте, практически на ощупь, разливали по стаканам, считая бульки. Батюшка от щедрот своих, будучи человеком догадливым, подбросил им еще две палки домашней колбасы, сделав прекрасный вечер просто-таки счастливым: за закусью бежать не надо. А многие и без колбасы могли: так, втянул свежий запах земли с могил – и хорошо! Пробирает до костей. На кладбище ощущаешь конечность собственного существования и радость сиюминутной хмельной трапезы.

Примерно в то самое время, когда подполковник скомандовал своему капитану начать всю эту операцию, мужички-работнички как раз вошли в стадию хорошего загула, но еще соображали, что где находится, хотя найти выход с кладбища мог уже не каждый.

– Матвейч, а ты мертвецов боисси? – один из пятерки работничков отличался особой болтливостью. Если остальные четверо после принятия на грудь могли только мямлить нечленораздельное, то Тулов – коренастенький мужичонка с узкой, вытянутой, словно дыня, головой – приобрел еще большую способность к красноречию.

Докопавшись до крепкого и повидавшего жизнь Матвейча – самого старшего из них, он скорее преследовал цель немножко взбодрить вялую компанию, чем выяснить на самом деле мнение самого опытного из бригады. В темноте Матвейч перекрестился трижды, посмотрел на церковь и ответил Тулову бодро:

– Почему тебя тянет постоянно на какие-то гадости? Че, хочешь вечер испортить?

– Почему гадости? – Тулов был рад поддержать разговор. – Ведь все когда-то станем мертвецами, и такие же мужики, как мы, будут сидеть под сиренью на кладбище и будут бояться меня. Представляешь, я вот буду лежать, лежать, вот на два метра меня зароят, а я лежу и чую, вы тут водку пьете, и беру так, начинаю землю своими длинными когтями рыть. Крышки гроба уже нет, она сгнила, понимаешь. И вот рою-рою я, а весь такой уже тощий, полусгнивший. И тут – бах! – плита надо мной могильная, что заботливые родственники положили. Ну так че же, я же тоже из этого мира, я-то знаю – возьму немного в сторону, когтями поскрябаю-поскрябаю по плите, а потом раз – опять земля мягкая сверху, потом чуть жестче – корешки пойдут, травка, и через травку, через травку раз – и выползу! Слушай, Матвейч, может быть, сейчас уже тут к нам прислушиваются среди могил-то? Уже, может, вылез кто иль как раз вот лезет? Давай водку поразливаем и послушаем – может, поползет кто.

Налетел ветер, ветки сирени зашумели и несколько приглушили ворчание толстенького и мордатенького Бори, согласившегося с остальными войти в бригаду и успевшего за сегодня сделать, пожалуй, самый больший объем работы.

– Эх, Тулов, как тебя жена-то терпит в доме?

– Она меня не за то терпит, что я болтливый, а имею приспособление одно. – Тулов поднял вверх палец, и этот самый палец увидел в темноте Боря.

– Да это разве приспособление? Приспособление, оно должно быть в другом месте.

– Я всеми пользуюсь, – начал шептать языкастый. – Так че, мужики, насчет водки-то? У нас осталось немного. Вдруг щас полезет кто?

– Тьфу ты, – сплюнул Матвейч, – прекрати! Мы тут сидим зачем? Затем, что поработали сегодня хорошо, денег сшибли и это дело отмечаем. А ты нам все портишь.

– Так че ж, мертвецы – не люди, что ли? Может, из них кому помочь надо, могилку свернуть. Так и вылезет. Знаю, недалеко тут один лежит. Эх, при жизни как пил, как пил! А до семидесяти годов дожил. И умер-то, знаешь, почему? Не по пьяни, а вот в баню пошел мыться, раз сердце – и все. Но я думаю, если бы вот ему только понюхать дали, он все равно бы поднялся... и без сердца бы.

Боря, слушая все это, неожиданно тихо так хихикнул, но от этого смешка почему-то никому не стало веселее. Мужички начали опасливо оборачиваться по сторонам, а тут сам Тулов, нагнетая страсти, неожиданно замер.

– Во, глядите! Луна из-за туч вышла. А вон стоит кто-то, вон, рядом с тем тополем.

Матвейч начал искать глазами тот самый тополь.

– Ничего не вижу. Слушайте, может, пойдём отсюда? Че-то жутко тут...

Добившись своего, Тулов расхохотался:

– Ну вы даете, блин. Наливай еще. Не можете вы шуточки мои спокойно переносить.

– Да, – согласился Боря, – мы твоей жене в подметки не годимся.

Еще двое из бригады, обрадованные тем, что им можно пропустить по очередной, звякнули стаканами и хлопнули один за другим. Два соседа, всю жизнь живущие вместе еще с детства, не упускали случая сшибить деньгу, а когда подворачивалась возможность выпить, так что ж не выпить?

– Вот отец Филарет – хороший мужик, – снова прорвало Тулова. – Он не скупится ни на водку, ни на колбасу... – Ни на работу, – поддакнул Матвейч. – Прежде чем ты у него все это получишь, ты угорбадишься. А ладно, – тут же поспешил сам себя поправить, – для церкви делаем. Святое дело. Ну давайте, мужики, еще по чуток. Колбаска у кого?

* * *

Резинкин кое-как забрался в «КамАЗ», рядом с ним сел капитан, а с ним еще и Мудрецкий.

– Ну ты че, солдат, вести сможешь?

Еще бы Витек не смог. Ему и не так много-то наливали – просто чтобы чуть-чуть усталость согнать, ведь весь день за рулем. Витек собрался с мыслями:

– Смогу. Куда?

Капитан хмыкнул:

– На кладбище. Сейчас дорогу покажу.

Мудрецкому пункт назначения не понравился.

– Стремно-то ночью на кладбище.

– Так это и хорошо, – усмехнулся капитан, – не тебе одному. Все село спит. Там сейчас самое пустое место. А Вяземский нас будет у калитки ждать.

После вялой команды поддатого Мудрецкого: «По машинам», Простаков с Валетовым пошли к «Ниве». Но тут неожиданно Леха схватил маленького Фрола и потащил его к «КамАЗу».

– Ты куда? – заупрямился Валетов.

Но здоровяк и не думал его слушать. Он тащил мелкого на буксире, и вскоре они уже стояли перед задним бортом.

– Ты че, я не хочу ехать здесь, поехали в легковушке. Ты дурак, – отпирался Валетов, но здоровый взял и зашвырнул мелкого в кузов.

– Молчи! – ревел он. – Здесь просторнее. Че мы там будем корячиться в этой инвалидной коляске?

– Леха, ты сволочь! – выл Валетов, потирая ушибленный зад. – Я тебе такого никогда не прощу! А еще другом называешься.

– Да ладно на фиг, дружбу не пропьешь, – Простаков перемахнул в кузов. – Давай вон ложись и спи.

– Куда ложись? Тут один жестяной пол.

– Вон на обрезки кабеля, что набрали на предыдущем месте.

– Они все в земле! – выл Валетов.

– Да ну и поспать, – нашелся, что ответить, Простаков и тут же плюхнулся на ровно нарезанные куски кабеля.

Машина дернулась. Валетову ничего не оставалось делать, как аккуратно сесть рядом.

– Ну че ты не ложишься? – пробурчал недовольный поведением Валетова здоровяк и, дернув его за шиворот, постарался уложить на грязный кабель. Но маленький уперся руками и ногами и, в конце концов, отбрыкался от пьяного Гулливера.

– Лежи, здоровая дубина! Козлина! Упырь! Вурдалак! Потомок Вия!

Леха отпустил:

– Ты че такими словами ругаешься на меня? – недовольно пробурчал он и, положив здоровый кулак под голову, кое-как устроился на жестком ложе.

Тем временем «КамАЗ», следуя за «Нивой», считал кочки и колдобины. В кузове потряхивало.

– Ну вот, – Валетов был готов реветь, словно ребенок, – на фига это вот мы здесь едем? Могли бы с комфортом, в чистоте и тепле. Нет, тебя потянуло не пойми куда.

– Зато здесь просторно, – спорил с ним Простаков. – Кстати, упыри – это кто такие? Это ж кровососы, да с крыльями, как вампиры.

– Да они вампиры и есть, – соглашался Валетов. – А ты, вообще, мертвецов боишься? Как насчет того, чтобы по ночам гулять?

– Да мне по фигу, – бурчал полусонный Леха. Он сейчас был готов уже провалиться в дремоту, но тут мысль, пришедшая на ум, вернула его к действительности. – Только на кладбище боюсь гулять. На кладбище всякое может быть. А в тайге – нет, в тайге нормально. Че там бояться-то, зверей, что ли? Звери сами боятся. Только волки, когда стаей, это плохо. А все остальные шугаются.

– А чего на кладбище боишься? – поддержал разговор Валетов, невольно укладываясь рядом, потому как голова кружилась и здорово трясло.

– Ну как че? Вот однажды кружанул по тайге – зимой на лыжах ходил, ну и че ты думаешь, вышел как раз со стороны кладбища. И иду, понимаешь, на лыжах. Вдруг следы.

– А дело-то, дело когда было – днем или ночью?

– Да не, днем. Как раз пургу в лесу переждал, и все так снежком свеженьким занесло. Так вот, иду. А белок набил – тяжеловато. Все равно иду, домой-то хочется. Ну и подхожу к кладбищу. А под ноги гляжу – следы свежие, и ни с того ни с сего появились. Присмотрелся, вроде как корова шла, да в поле выходила, и потом развернулась – в обратную потопала. Ну какие коровы посреди зимы-то? Все же их в хлевах держат. Мне делать нечего, мне домой надо. Ну так я по этим следам и иду – все в одну сторону. И знаешь что? Прямо вот у самой оградки кладбища-то получилось, что следы-то разминулись.

– Как это? – не понял Валет.

– А вот так, что будто передние ноги у этой коровы налево пошли, а задние – направо. Вот оно че. Так, значит, то не корова была, понимаешь, а два черта выходили посмотреть, нет ли кого, чтоб загрызть. И повезло мне просто – поздно я уже вышел. Они, видать, стояли,

ждали кого-нибудь, чтоб прихватить себе на завтрак, а я уж днем шел. Вот после этого боюсь по кладбищам-то.

Валетов тихо захихикал:

– Ты, наверно, всю эту херню сейчас сам и сочинил.

– Ага, – согласился Леха, – сочинил. Только теперь в чертей верю. Я ж тебе не договорил. Следом за копытами – и за передними, и за задними, что в разные стороны пошли, – небольшие такие прочерки тянулись, ну понимаешь, черти шли и хвостами снег сбивали. Вот че.

– Тьфу ты, – сплюнул Валетов. – Ну ты напридумываешь.

– Фантазии у меня мало, чтоб такое придумать. Это пережить надо. Я после того домой пришел и два дня на улицу носа не казал. Ведь не могло мне почудиться – охотник я, и следы сто пудов читаю.

Приехали неведомо куда. Леха вначале вышвырнул из кузова Фрола, потом вылез сам. – Ну ты как, не ударился? – заботливо справился здоровый у мелкого.

А тот стоял с раскрытым ртом и ничего не говорил. Леха огляделся.

– Блин, – прошептал он, – так мы на самом деле на кладбище-то приехали. Че тут забыли-то? Чертей пугать?

Подполковник, одетый в гражданское – джинсы и болоньевую куртку, – стоял, засунув руки в карманы. Когда машины подъехали, он переговорил с выбравшимися капитаном и лейтенантом.

– Здорово-здорово, передавай привет Стойлохрякову. Местечко, может, для ночных прогулок и не очень, но так уж получилось – где была возможность, там и прятал.

Тем временем из багажника «нивушки» достали две саперные лопатки и торжественно вручили их Лехе и Валетову.

– Ну че, пошли, – скомандовал подполковник, и мужики вошли на территорию кладбища.

Шли вначале по широкой дороге, и света от луны хватало для того, чтобы они могли разобрать путь.

– Нехорошо по ночам покойников тревожить, – голос Валетова был спокойный и тихий. Раздался в темноте щелчок. Это Простаков вдарил по башке мелкому, для того чтобы он всякую чушь не нес – и без этого стремно. – Поселок маленький, а кладбище большое, – продолжал Валетов, уклоняясь одновременно от руки своего напарника. – Что-то дохнут тут часто, видать, и мертвецы беспокойные.

Пройдя по центральной аллейке, свернули налево и пошли ближе к ограде.

– Ну и местечко. – Мудрецкий плелся следом за подполковником и капитаном.

Рядом с ним шли Вован с Коляном. Никто не бубнил. Люди все больше прислушивались и присматривались. Тем более после водки всякая фигня в башку лезет, а в ночи еще и глюки ярче. Чего только не привидится.

Лейтенант Мудрецкий остановился.

– Ты че? – выругался, наткнувшись на него, Колян.

– Мужики, глянь, стоит кто.

Даже подполковник с капитаном остановились.

– Где? – не понял Вяземский.

– Да вон крест высокий... А под ним...

– Да где?

Тут Мудрецкий вздрогнул:

– Ой, движется. Блеснуло что-то.

– Да ну тебя на фиг, лейтенант, – подполковник после этого еще и выматерился. – Пошли, вон сейчас до места дойдем. Солдатики выкопают добро, унесем в машину, погрузим да уедем. Вот ты начал херню-то нести.

* * *

Оставив на время компанию, Матвеич со стаканом водки в руке – не оставлять же этим, они ж вылакают – отошел, чтобы отлить; и, журча в траву, присматривался, вглядывался в темноту. То ли глюки, то ли на самом деле кто стоит впереди на дороге и смотрит на него. Вот жуть-то! Работяга вернулся по-шустрому к компании.

– Мужики! Ходит кто-то по кладбищу!

– Да ладно тебе, – напустился на него языкастый Тулов. – Вон колбаски кусни, опьянел, поди. «Ходит». Кто тут ходить-то будет? Время к двенадцати идет.

* * *

Вскоре подполковник остановился между двумя узорчатыми невысокими крестами и показал между оградками могил:

– Вот здесь копайте. Эй, солдаты, идите сюда. Ройте тут. Неглубоко закапывал – с полметра, только дерн аккуратно снимайте и – в сторону, чтобы потом все на место поставить, никаких следов остаться не должно.

Солдаты с пыхтением принялись за работу.

* * *

Работяги продолжали заседать под развесистой сиренью. Ветер метался по кладбищу, завывая и нагоняя тоску.

Матвеич все никак не мог отойти от собственных галлюцинаций.

– Слушайте, а может, сторож ходил, обход делал?

– Ага, – рассмеялся толстенький мордастый Борис. – Пересчитывал, вечернюю проверку проводил, как в армии. И каждый ему из-под земли: «Уу-уу!» – на месте, мол.

– Никакого сторожа там быть не могло, – подал голос сидящий в темноте мужичок.

Остальные вздрогнули.

– Слушай, ну ты, чтоб мы к тебе привыкли-то, ты разговор поддерживай! – набросился на него Тулов. – Думаешь, нам тут по кайфу?

– Не, мужики, – неодобрительно покачал головой Матвеич, – плохое место выбрали. Надо было на пруд идти.

– Ага, – поддержал его Борис, – а там русалки. Вылезут, сиськами перед тобой помашут, а потом в путину утянут, потому как ты от их красоты дар речи потеряешь.

– Фигня, – не согласился Тулов. – Русалка – та же баба, к ней подход надо иметь.

– Это какой же ты к ней подход найдешь? – Матвеич ласково погладил пустой стакан. – У нее ведь хвост, ног нету. Какой тут может быть подход, тут только подплыв, и то – большая акробатика, не каждому доступная.

Никто не спорил с Матвеичем. Снова по стаканам забулькала водка. Выпили, закусили: кто колбаской, кто занюхал рукавом рубашки. И тут в темноте раздалось легкое поскрябывание.

– О-о-о, – наклонил вниз голову Тулов, – это че же, полезли, что ли? Ты, наверное, Матвеич, отливать с водкой ходил, приманил сюда их. Щас начнут из всех щелей выбираться.

– Да ну тебя, – не поверил Борис.

Тем временем скрежет усиливался, и доносился он как раз из того места, где Матвеич приметил, будто ходит кто.

– Вот там я и видел их, – прошептал здоровый мужик.
– Кого их-то?
– Да не разобрал. Вроде стояли как на одном месте, а сейчас, видишь, поскрябывают...
– А может, – Тулов продолжал своей фантазией угнетать остальных, – это они пошли помогать другим выбираться. Откапывают, понимаешь, когтями по надгробию скребут.

* * *

Леха с Фролом быстро добрались до чего-то металлического, и лопаты начали позвякивать о какой-то ящик.

– Это цинк из-под патронов, – прошептал подполковник. – Вы давайте там его поаккуратнее. Он вскрыт, как консервная банка, и я в него все сложил. Земельку вынимайте вокруг и давайте вытаскивайте.

Пустая упаковка от патронов под «калашников» была использована Вяземским для хранения намытого серебра да золота с радиодеталей. Вроде и небольшой цинк-то, а поди-ка вот его вытащи. Фрол упирался и локтями, и коленями для того, чтобы хоть как-то помочь Простакову, отхватившему ящик и тащившему его наверх. Он даже начал покряхтывать...

* * *

– Слышь? – дернулся Матвеич и ткнул кулаком в Тулова. – Стонут они.
Мужики вскочили на ноги.
– Неужели и вправду лезут? – шептал Борис, выбираясь из-под сирени. – Пошли отсюда.
– Да ты че, – Тулов схватил его, – погоди. Да выкинь ты эту бутылку, она тебе не нужна больше, хватит тебе на сегодня.
– Да как же водку выкинуть? – не согласился Борис.
– Пошли смотреть, – шептал Тулов. – Мужики, куда бежать – смотреть пошли! Один я ведь до этого никогда не видел мертвецов-то.
– Слушай, ты тогда один иди – мы к выходу, – Матвеич засобирился. – Только я че-то плохо ориентируюсь – куда идти-то, в какую сторону?

* * *

Тем временем солдаты достали ящик и стали закапывать обратно землю, затем разложили дерн.

– Ну че, все? Можем идти? – спросил Мудрецкий у Вяземского.
Подполковник склонился над цинком и попробовал приподнять его:
– О, вроде все на месте, ничего не рассыпалось. Как складывал, тяжеленький. Ну че, давайте, солдатики, берите – да пошли.
Легко сказать: «берите – да пошли» – если Простаков еще кое-как мог свой конец оторвать от земли и переносить его, то Валетов справиться с весом не смог. Поглядев на то, как мелкий корячится, Коля склонился над ним и перехватил у него ношу.
– Отдыхай, – дыхнул спортсмен.

* * *

Тем временем алкаши начали вилять между могилами, стараясь побыстрее выйти на центральную дорогу и по ней пойти к воротам.

Процессия, несущая цинк размером с небольшой чемодан, медленно и в полном молчании двигалась по дороге.

Перешептываясь, местные мужички обходили могилки и двигались сейчас наперерез идущим военным. Ни те, ни другие не подозревали о существовании друг друга.

Тулов шел одним из первых и, когда увидел медленно идущие по дороге фигуры, две из которых – самые здоровые – несли какой-то ящик, замер и по пьяни-то завыл от страха.

– Вышли все-таки! – ревел он, и слезы катились по его щекам.

Пьяный плач услышал Вяземский, но в темноте не разобрал.

– Что за чертовщина? – спросил он у основательно выпившего накануне капитана.

– Ничего. Пойдемте, товарищ подполковник. Все хорошо будет.

И процессия, на мгновение остановившись, вновь продолжила свой путь.

Рядом с Туловым встал Борис. Луна неожиданно зашла за тучи, и, казалось бы, вот-вот они приблизятся и можно будет рассмотреть, кто же это.

Но теперь все погрузилось в полумрак, и для того чтобы, идя по дороге, не наткнуться на могилы, Вяземскому приходилось даже взять какую-то палочку и, словно слепому, стучать по высоким оградкам крайних захоронений, пробираясь вперед.

Кто бы мог подумать, что сегодня такая ночь будет. Капитан, он находчивый был солдат, старый, опытный, взял и включил фонарь, в надежде на то, что сейчас-то будет светлее. Вначале желтое пятно упало вниз под ноги, затем он захотел осветить пространство перед собою – и луч света выхватил пьяную, перепуганную и плачущую морду Тулова. Капитан и подполковник, идущие впереди, вздрогнули, а Мудрецкий наткнулся на них, поглядел вперед и нечеловечески взвизгнул.

Где-то метрах в пятнадцати раздался вопль умирающего человека – это пьяный Матвейч, зацепившись штаниной за сухую ветку, истошно орал:

– Вурдалаки! Меня тащат! Мужики, помогите!

Единственный фонарик, который был у капитана, приближался к Тулову. Тот был ни жив ни мертв.

Капитан матерился:

– Местные алкаши. Уроды. Че вам тут надо?

Тем временем Валетов, будучи перепуганным не меньше остальных, решил держаться подполковника – единственного, кто сохранял здравую голову, тем более что он был невыпимши.

Вован, по-тихому возражавший вначале насчет того, что Коля согласился нести тяжелый ящик вместо солдата, сейчас был занят совсем другим. Он подбежал к Тулову и, сверкая золотой цепью и распальцовкой с золотыми печатками, схватил за подбородок пьяного перепуганного мужика:

– Ты че, в натуре? Дикий?

Тулов ничего не отвечал. Он вращал глазами и трясся.

– Рука... – наконец вымолвил он. – Уберите с моего плеча руку.

Вован поглядел и на самом деле увидел, что на плече у Тулова лежит чья-то рука.

– Не надо убирать! – донеслось из темноты. – Это я – Борис. Я заблудился и нашел кого-то.

Капитан осветил на Бориса:

– Два урода. Один за другим ходят.

На центральной дороге все смешалось. Наконец мужики разобрались и отделили своих от чужих.

– Ну че, пошли дальше, – подполковник взял у капитана фонарь и сам стал светить. – А вы пока стойте, мать вашу.

Офицеры пошли, а Простаков с Коляном начали поднимать цинк. И тут за спиной у Коли раздался тихий голосок:

– Мужики, можно пройти?

Коля вскрикнул и выронил из рук цинк, Простаков также бросил ношу, и оба повернулись. Один из пяти, заплутавший среди могил, порывался пройти по аллее.

– Мне к выходу, – продолжал он.

Коля не удержался и ударил кулаком ему по почке.

– Иди отсюда, мертвец, мать твою! Перепугал, на хрен!

Луна снова вышла из-за туч, и вот она, дорожка. Казалось бы, иди по ней и радуйся, что для тебя все хорошо закончилось. На вопросы синяков, а чего это за ящик они несут, подполковник спокойно отвечал, что не их это ума дело, мол, могилку родственников обустроивал в срочном порядке.

Люди потихоньку стали отходить от стремной ситуации, и тут прямо в ворота вошла сама смерть – в накинута на голову капюшоне, с косой в руке – и страшно заулюлюкала.

Не разучившийся бояться, пьяный Тулов, схватившись за сердце, присел и затем повалился на землю, вытаращив глаза.

– За мной, – шептал он, – за мной пришла. Может, кого еще возьмет?

Скинув капюшон и отбросив косу, пьяный Валетов схватился за живот.

– Как я вас?! – гоготал он. – А прикольно, да, товарищ полковник, получилось? Ведь никто не ожидал!

– Чей это ублюдок? – спросил Вяземский, делая ртом сосательное движение – ему сейчас необходим был валидол.

– Это наш, – произнес Мудрецкий. – Химвзвод, у полковника Стойлохрякова. Большой выдумщик. Головастый парнишка – даже полкурса в институте проучился.

Над Туловым склонились местные мужики:

– Да ты вставай, не бойся! Это солдат придурался.

– Солдат? – переспросил Тулов. – А я уж думал, все – не выйдем мы отсюда.

Цинк погрузили в «КамАЗ», и «Нива» с грузовиком отправились обратно к территории военной части. В здании для путешественников нашлось несколько коек, и они спокойно переночевали.

А местным мужикам подсуетившийся подполковник преподнес еще по бутылке водки, но только посоветовал больше не справлять застолье на кладбищах. Те с удовольствием с ним согласились. Еще бы они упрямылись, когда им такие подношения делают. Да с чем хочешь согласишься – вот где прикажут, там и организуются, лишь бы было пить чего.

* * *

Просыпалась с рассветом вся российская земля, а сборщиков ценных металлов ждал городок Безенчук, недалеко от Самары.

Валетов терпел недолго и через пятнадцать минут после того, как они покинули Утевку, стал приставать со своими домыслами к сидящему за рулем Резинкину:

– Слушай, ну так че там было, в ящике в том? А? Че там было-то?

Резинкин молча крутил баранку, а сидящий по другую сторону от Валетова здоровый Коля ухмылялся:

– Слышь, ты, пацан, – наконец не вытерпел он, – не твоего ума дело. Ты копаешь и носишь – остальное тебя не касается.

Валетов поспешил согласиться и после этого замолк на долгое время.

* * *

А в «Ниве» обстановка была намного более развязной, и во многом виновником большого притока кислорода был сам Вован. После ночных разборок с подполковником, закончившихся для него большим наваром, он находился в еще лучшем настроении, чем в те моменты, когда переваривал успех сделки с майором Сапожниковым, и сейчас ему хотелось говорить, говорить обо всем подряд. Улыбка не сходила с его лица. Он то и дело вспоминал о своих походах в рестораны, о том, сколько денег он проиграл в казино, и после этого уносился вдаль, к своей мечте – небольшому домику на берегу Средиземного моря, но так, чтобы рядом обязательно были виллы богатых и знаменитых. А он, маленький Вован, даже не Вован, а Вованчик, будет вместе с ними запросто сживать за одним столом и гулять по синему морю на ихних же, стоящих многие миллионы долларов, яхтах.

– А может, присмотрю себе на Лазурном Берегу богатую вдовушку, ведь их много таких там, в Европе, остается. Старые хрычи берут здоровых розовошеких кобыл, а после этого умирают, не выдержав нагрузок, и бедные женщины маются в одиночестве.

Мудрецкий для поддержания разговора поделился мнением о том, что он не один такой умный и наверняка подобные вдовушки уже находятся под присмотром еще до того, как их супруг поспешит отдать концы и вознестись на небо.

Вовану это не понравилось. Он начал шевелить бровями, подыскивая нужный аргумент. Но смог только вспомнить популярный в России анекдот о том, что «ихняя, типа, европейская, богатая баба никогда не откажет настоящему русскому мужику». На этом все аргументы Вована заканчивались.

Выкопанный на кладбище цинк представитель Шпындрюка, а им Вован и являлся, не позволил забрасывать в кузов «КамАЗа» и положил вместе с лопатами в багажник «Нивы». Не сам, конечно, – Простаков ему с Коляном помогали. После этого прикрыли тряпочкой, заложили парочкой канистр с бензином, который возили на случай неожиданного облома с заправками по области.

В Безенчук путь был неблизкий, но деваться им некуда, и они ехали, ехали и ехали в надежде в скором времени выполнить все поручения Стойлохрякова и вернуться в родное Чернодырье.

Несмотря на то, что они уже посетили два пункта из их путешествия, кузов «КамАЗа» был практически пуст. Полторы тонны меди в кабелях – это ничего, длиномер можно нагружать в десять раз больше. И теперь жажда наживы просто брала за горло Вована, мечтавшего забить весь грузовик цветметом. Иногда он обращался к сидящему сзади Простакову и намекал ему на тяжелую работу, связанную с погрузкой.

– Ведь мелкий-то тебе помогать не будет, – ухмылялся Вован, поглядывая на широченную Лехину пачку в зеркало заднего вида. Но тот оставался спокойным. – Ниче, мужик, ты не волнуйся, если все пойдет так и дальше, ты на дембель пойдешь, как жених на свадьбу. Я уж об этом позабочусь, без базара. Вы все, мужики, внакладе не останетесь.

Перед въездом в Безенчук расположился пост ГИБДД.

– Че это здесь козлятник-то развели? – не понял Вован. – Че тут собирать-то на проселочных дорогах?

Чем дальше они въезжали в поселок, тем чаще попадались путешественникам высокие добротные двухэтажные виллы. Ухоженные и облизанные.

– Ниче себе, капиталистический раек! Вот порою думаю, никуда ехать не надо, ни на какие берега синих морей – все и тут можно иметь. Кто бы мог подумать, такая дыра – и глядите, какие вон хибарки стоят!

«Хибарки» были ничего – многие покрыты цветной черепицей и обделаны стеклом с металлическим напылением, превращая фасады в великолепное произведение частного архитектурного искусства.

Мудрецкий глядел в свои бумажки. Здесь Стойлохряков своими крючками обозначил, что необходимо доехать по дороге, проходящей через поселок, до высокого двухэтажного теремка и затем свернуть опять же налево, и они тут же должны увидеть длинный двухэтажный барак – и им именно туда. Но как тут разобрать, после какого двухэтажного домика сворачивать, если, проехав по улице, они таких обнаружили штук пятнадцать – и все за высокими заборами, да и хорошо отделанные. Конечно, по соседству стояли и простые домишки, но уж больно часто для такого небольшого поселочка поднимались вверх хоромы.

И все-таки Вован не промахнулся. Он выбрал более-менее приличную дорогу и – как раз рядом двухэтажный стоит домик. Свернул на нее – действительно, впереди барак, за ним – еще дома местных жителей, утопающие в зелени, но им именно к этому бараку. Никаких заборов. Одинок стоящий подъезд, никаких табличек. Фасад здания когда-то был желтым, а сейчас стал серым; местами штукатурка отлетела и виден кирпич с прослойками раствора.

Запустение и разруха наводят тоску. Мудрецкий с Вованом, войдя в подъезд, очутились в небольшом холле. За застекленной будочкой сидит солдат в зеленой фуфайке. Увидев лейтенанта, он не удосужился приподнять свой зад. Высунув из квадратного отверстия, типа окошка, свою голову в кепке, дежурный спросил, чего им тут надо.

Поскольку на бумаге комбат написал фамилию, имя, отчество полностью, Мудрецкий так и произнес, что ему нужен майор Лопата Евгений Сидорович. Солдат убрал свою башку обратно в будку, кивнул с понятием головой и сказал, что они должны пройти на второй этаж, затем направо и стучаться в третью дверь.

Лейтенант с Вованом начали подниматься, а солдат, нагнувшись, – что бы вы подумали? – открыл дверцу небольшого холодильничка, достал оттуда бутылку пива, открыл ее и приветливо ею помахал гостям. Мудрецкий сморгнул, Вован остался такой службой доволен, и они вдвоем пошли дальше.

– Вот если бы в свое время я так служил, как щас пацаны служат, – начал Вова, – это было бы нечто. Я бы такую службу на всю жизнь запомнил.

По деревянным ступеням, гулко топая, они поднялись на второй этаж и безошибочно определили дверь, в которую необходимо было постучаться, так как она была единственная из всех, обтянутая кожзаменителем, и на ней висела красная табличка, где золотыми буквами значилось: «Майор Лопата Е.С.».

Постучали и слышали протяжное: «Да-а-а-а».

Вошли. Сидит. Здоровая рожа, не меньше, чем у Простакова, красная, за большим столом. На полу бычки и сор, над головой старый советский светильник. В углу – железный сейф, стоящий на обшарпанном холодильнике. Перед рожей стоит кружка с пивом. Один-единственный стул напротив стола.

– Мужики, садись, – пьяным голосом пробормотал невзрачный человек в майорских погонах с отевающим лицом. Его и без того большие глаза казались еще больше от синих мешков под ними. Обвислые щеки опускались ниже подбородка и трепыхались при каждом его движении. – Вы кто такие? – спросил он, когда лейтенант уселся перед ним на стул, а Вован остался стоять.

Не дожидаясь ответа, Лопата предложил пива. От пива никто не отказался. Пока он разливал, Мудрецкий успел представиться и назваться, кто он такой и откуда. Евгений Сидорович, наливая пухлой рукой в не совсем чистые кружки холодного пивка, соглашался с услышанным и рассказывал о том, как он ждал их приезда на протяжении, кажется, трех дней, а может быть, и четырех. После чего спросил число и, надолго задумавшись, наконец пришел к

выводу, что пьет он уже на самом деле пять дней, а именно столько прошло с приезда к нему в гости подполковника Стойлохрякова.

– Третий холодильник, – показал он рукой на белый обшарпанный шкаф в углу.

– Чего? – не понял Мудрецкий.

– Я говорю, третий холодильник допиваю. Вы че-то долго. Если бы не туалет, не выдержал бы. А туалет у нас есть тут в конце коридора, правда, слива нет, но все равно, туда в очко все пролетает – пока нормально, не завоняли.

– Да, – соглашался Мудрецкий, – только нам бы, товарищ майор, надо все побыстрее.

– Да ниче. Щас вот вы пивка попьете, и мы поедим. Все уже должно быть ништяк.

Вован не выдержал и подлетел к майору, схватил его за грудки и поднял в воздух:

– Слушай, ты, как там тебя? Мотыга. Давай нам организовывай по-быстрому все наши дела, и мы тебя оставим в покое.

– Не, ну че? – обиделся майор, отбрыкиваясь и отталкиваясь от цепкого Вована. – Щас все будет.

Они спустились вниз. Майор кивнул солдату, соизволившему, увидев командира, подняться и отставить в сторону начатую бутылку. После чего они вышли на улицу и сели в «Ниву».

Простаков пока отодвигался в сторонку – майору пришлось садиться на заднее сиденье – морщил нос, потому как от товарища военнослужащего разило. Вован по дороге открыл окно у себя на полную и посоветовал сделать то же самое Мудрецкому, дабы впустить свежайший ноябрьский воздух. Не выдержав, он бормотнул: «Туалет везем».

– Чего? – не расслышал Лопата.

– Да так, пиво хорошее.

А пиво на самом деле было вкусным, несмотря на невымытые кружки. Уж кто-кто, а Вован в пиве разбирался, да и Мудрецкий, подрабатывая во время учебы в аспирантуре на складе, всякого перепробовал.

– Стой! – неожиданно скомандовал Евгений Сидорович Вовану, когда они проезжали мимо того самого особняка, от которого дорога шла к двухэтажному барaku. – Щас домой зайду – ключи от гаража возьму.

Вытаращив глаза, Мудрецкий глядел на ухоженный дом, который никак не вязался с его пьяным и распушенным хозяином. Неужели так могут жить простые майоры родной российской армии? Тем не менее один из ключей, что были у Евгения Сидоровича, подошел к замку в калитке, и он скрылся внутри, не приглашая никого последовать за ним. Отсутствовал он недолго и вернулся в военных штанах, но вместо кителя с погонами надел на себя олимпийку. Потом он посмотрел на всех сидящих в машине, покачал головой и снова ушел внутрь, и вернулся в теплой куртке военного образца.

Все оказалось рядом – одноэтажный бокс гаражей шел сразу же за баракom, в котором и обитал майор с одним-единственным солдатом. Открыв ворота, хозяин предложил гостям зайти внутрь. Мудрецкий только заглянул и присвистнул: метров сто по площади были завалены разрезанными на части остовами старых катеров – сплошной дюралюминий, не просто так. Лейтенант даже засомневался, влезет ли у них все в кузов. Простаков, увидев кучу металла, сник – ему предстояло конец дня провести в очень напряженном темпе. Валетов стоял рядом и пищал:

– Леха, мы не сможем. Давай откажемся, а, Леха?

Продемонстрировав собственное состояние, Лопата с удовольствием наблюдал отеки на лицах гостей.

– Да ниче, – наконец сообразил он, у кого тут главные опасения, и подошел к Простакову и Валетову, – мужики, вы че думаете, мы че, не люди, что ли? Сейчас бригада подъедет – все закидаем. А вы отдыхайте, вам ведь разгружать еще.

Леха не верил словам этого самого близкого сейчас ему человека, у них ведь и даже лица похожи, они, как братья, только у этого щеки обвислые, ну так это не страшно, главное же – о солдатах думает. И на посту у него солдат сидит, пиво пьет. Это же рай – не служба. И тут за него всю работу выполнят.

Мудрецкий, если бы он только пришел служить, сейчас заставил бы своих подчиненных так же помогать при погрузке, но армия ему потихоньку мозги ставила на место, и поэтому он безропотно согласился предоставить напрягаться местным, еще пока не наблюдаемым, грузчикам.

Вован улыбался:

– Откуда катера-то?

– Да, поехали за бригадой, я тебе расскажу по дороге. – Майор и предводитель их поездки исчезли.

Коля, глядя на огромное количество металла, которое предстояло перекидать в кузов, поздравил Простакова с тем, что тому не придется мучиться. Гараж простодушный абориген закрывать не стал, и у солдат появилась возможность ознакомиться с марками катеров, распиленных на металлолом: здесь были и «Казанки», и «Прогрессы», и даже «Амуры».

– Только я одного понять не могу, – Мудрецкий с умным видом пинал ботинком всякую железку, к которой подходил, – как он это все сюда перевез?

– Армия, – басанул Колян. – Чудеса случаются.

– Воды-то рядом нету, – продолжал Мудрецкий, – значит, издалека везли.

– Откуда издалека? – не соглашался Колян. – С Волги. Вон, поди, с Сызрани привез с какой-нибудь лодочной базы. А нам даже и знать не следует, что да как.

Мудрецкий не думал, что Лопата вернется так быстро с людьми. Вон и «Нива» показалась, и, судя по всему, в ней народу-то полным-полно, как они набились-то внутрь – не разумеешь. А еще сзади вон «уазик» едет, там тоже людей много. Ну, сейчас дело пойдет, сейчас они все эти дюральки быстро в кузов закидают. Ну че, считай, Простаков в основном отмучился, когда закидывал медный кабель в кузов, а с остовами катеров разберутся местные. И после этого им останется заехать в еще один поселок – и все!

Солдаты и Коля-спортсмен курили в тени гаражей, а лишь один неугомонный Мудрецкий предпочитал разминать ноги после дальней дороги и прохаживался, поэтому он первый и увидел подъезжающую машину.

Удивительно было наблюдать, как вместо Вована, ведь он должен был быть за рулем, из нее выходит не кто иной, как майор Сапожников, кинутый лысым обладателем золотой цепочки и кожаной куртки. Вована не было. Зато появлялись такие люди, как подполковник Вяземский, встречавший их в Утевке капитан. Все одеты по форме с кобурами, в которых явно не огурцы для закуси. Кроме этого, из «уазика» вышло еще несколько солдат: двое в звании сержантов, в бронеках и с автоматами, и два лейтенанта, примерно такие же по возрасту, как и Мудрецкий. Единственное, что Юра сразу понял, что это кадровые офицеры, а не пиджаки – уж больно уверенно они себя вели, когда подошли, окружили бедного Коляна с сигареткой в зубах и усадили его молча в «уазик» под стволами.

Мудрецкий не знал, к кому обращаться и, вообще, что же ему теперь делать. Ситуацию прояснил подполковник Вяземский. Он подошел к лейтенанту и, не здороваясь, начал выдвигать условия:

– Лейтенант, я понимаю, тебе все происходящее по фигу, но так себя кидать мы позволить не можем, то эти двое гражданских останутся у нас в качестве заложников. А ты давай возвращайся в свое Чернодырье и вези сюда нам того уroda, который их с тобой послал.

– Че же я, Стойлохрякова повезу? – вытаращил глаза Мудрецкий.

Подполковник Вяземский покачал головой:

– Не о Петре Валерьевиче речь. Ты давай вези сюда того, кто над этими двумя стоит.

– А кто стоит-то? – не понимал Юра.

– Ну как? Вот это тебе как раз подполковник Стойлохряков и скажет. И мужичок пусть приедет за своими козлами и везет сюда еще триста тысяч, иначе он увидит только тела отдельно от душ. Души, соответственно, не увидит. Я ясно выражаюсь?

Мудрецкий спохватился:

– Так че же? Как мы поедем? Вот водитель у меня есть, а «КамАЗ» записан вот на того здорового, на Коляна.

– На Коляна? – ухмыльнулся Вяземский, подозвал к себе капитана, прошептал ему что-то на ухо. Тут же пленного спортсмена вывели из «уазика» и подвели к подполковнику и Мудрецкому. – Ну че ж, если Колян у нас владелец «КамАЗа», значит, ты останешься вместо него.

И тут же Мудрецкого захомутали, а проще говоря, наставили на него стволы и предложили сесть в «уазик». Юра вспотел от макушки до пяток. Он понимал, что попал в какую-то весьма неприятную историю, но пока до него вся гадость происходящего еще не дошла. Он даже, поправив очки на носу, попытался возразить Вяземскому: «Я не позволю». Но подполковник даже и слушать его не стал. Он лишь махнул рукой, и капитан повел его к машине. Мудрецкий, проходя мимо «Нивы», заглянул в салон, Вована там не было.

Гараж майор Лопата закрыл, и легковые машины уехали, а Колян остался стоять не при делах вместе с Простаковым, Валетовым и Резинкиным.

Машины скрылись, и теперь стало возможным обменяться мнениями. Коля на правах старшего начал:

– Немного зажался Вован, – как бы извиняясь перед солдатами, прояснил он ситуацию. – Мужики недовольны, хотят нормальные деньги за цветмет, кто бы мог подумать. И че теперь? Надо ехать в Чернодырье – пусть Шпындрюк сам решает, че делать.

Услышав имя главы района, солдаты переглянулись: дело-то нешуточное, как выясняется. Неужели в это впутаны монстры районного масштаба?

– Ну че, поедем обратно? – вяло спросил Витек Резинкин, заметно уставший за сегодняшний день.

– Надо ехать, – Колян не видел другого выхода.

Не успели бедолаги разместиться в кабине «КамАЗа», как снова к ним подлетела «Нива», и из нее выпрыгнули оскорбленные малой суммой майор Сапожников, неизвестно чем раздосадованный подполковник Вяземский и не успевший протрезвиться майор Лопата. Все с табельным оружием.

Помахав стволами, они предложили вылезти из кабины всем. И тут подполковник объявил, что солдатам шариться без сопровождения офицера – не дело. Поэтому поступают они следующим образом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.